Бесхозная страна

Волков Олег.
Фантастический роман.

Мир: «Свет цивилизации».
Серия: «Власть над миром».
Подсерия: «Человек за троном» - 2.

Аннотация

Очередная жизнь в разгаре. Бессмертный Саян Умелец благополучно обосновался в Тассунарской империи, в островном государстве, в котором вот уже третью сотню лет царит Великий мир, а подданные наслаждаются благами самоизоляция. Но мало стать преуспевающим издателем. Гораздо сложнее и важнее пробиться во власть, в большую политику. Для начала хотя бы попасть во дворец императора.

Тассунарская империя изо всех сил старалась не обращать внимания на большой внешний мир, забыть о нём. Однако большой внешний мир сам обратил на неё внимание. В бухте Нандина, столицы островной империи, вновь появились чёрные корабли иноземцев. Но на этот раз просто так отделаться от нежданных гостей не получится. Как бы тассунарцам не хотелось расставаться с блаженной самоизоляцией, однако ветер перемен всё же выбил входную дверь в их страну.

Корректор: Анна Заможных. Э/а: writer.anna@yandex.ru
ISBN: 978-5-4485-7853-3

Оглавление

Бесхозная страна 3
Глава 1. Два сына 3
Глава 2. Гром посреди ясного неба 12
Глава 3. Чёрные корабли 16
Глава 4. Берег закрытой страны 25
Глава 5. Два послания 29
Глава 6. Пушечные ядра 38
Глава 7. Мощь иноземцев 41
Глава 8. Неужели дождался? 45
Глава 9. Азы артиллерии 51
Глава 10. Старый знакомый 58
Глава 11. Мнение народа 67
Глава 12. Дурной подарок на Новый год 67
Глава 13. «Пионовый сад» 67
Глава 14. Дом местного князя 67
Глава 15. Крайнее средство 67
Глава 16. Дары особой ценности 67
Глава 17. Собачьи хвосты 67
Глава 18. По бабам 67
Глава 19. Последний аргумент самурая 67
Глава 20. Чаша позора 67
Глава 21. Иноземные товары 67
Глава 22. Аудиенция у даймё 67
Глава 23. Дворцовая библиотека 67
Глава 24. Нежданный покровитель 68
Глава 25. Вразумительные ответы 68
Глава 26. Пороховой дым 68
Глава 27. Десятый император Тассунары 68
Об авторе. 68

Бесхозная страна

Глава 1. Два сына

Приёмный зал – слишком громкое название для маленькой квадратной комнаты пять на пять метров. В ней с комфортом могут разместиться максимум два человека, не больше. Но где ещё принимать уважаемых поставщиков и ещё более уважаемых покупателей, как не в самой большой комнате маленького домика? Несколько выручает расположение приёмного зала. Одна из стен выходит на север. В разгар рабочего дня высокие ставни сдвинуты в стороны, великолепная Гепола заливает приёмный зал ярким жёлтым светом.

Двадцать пятый день Двенадцатого месяца по календарю Тассунары, начало второго весеннего месяца. На улице довольно тепло, можно даже сказать, жарко. Через распахнутую дверь в приёмный зал проникает приятная прохлада. А ещё отлично видна типография «Свет знаний». Два длинных ряда бывших складов с распахнутыми воротами уходят вдаль. Музыка, самая настоящая музыка, наполняет узкий длинный двор и зал для приёмов. Шелест бумаги и треск деревянных молотков то и дело заглушает клацанье печатных станков. Типография работает. Вдоль стены ближайшего склада, рядом с верстаками мастеров-переплётчиков, потихоньку растут аккуратные стопки новых книг.

В такой погожий денёк, да ещё при такой «музыке», работать легко и приятно. Как обычно, Саян сидит на корточках перед низеньким столиком. Кедровая столешница покрыта лаком, простые прямые ножки и никаких узоров. Рабочее место достаточно просторное, чтобы на нём без сутолоки и тесноты могли разместиться пять толстых амбарных книг, и достаточно простое, чтобы потенциальные покупатели могли по достоинству оценить скромность и бережливость хозяина приёмного зала и владельца типографии «Свет знаний».

По левую руку – толстая книга в кожаном переплёте. Между страниц вместо бумажной закладки торчит очень тонкая лакированная дощечка. На передней обложке на гилканском языке большими серыми буквами напечатано «Морская навигация», чуть выше – имя автора, Ринар Милип. На книге громоздится аккуратно сложенная стопка исписанных листов. Конечно, перевод иноземного издания по морской навигации нужно закончить как можно быстрее, но это потом, чуть позже.

С любовью и нежностью Саян провёл кончиками пальцев по корешку новенького бумажного томика. Переплётчики только сегодня утром, наконец-то, закончили книгу популярного тассунарского мыслителя и общественного деятеля Ёкиды Неохана. На передней обложке рельефными тяжёлыми буквами напечатано название «Новые предложения». Пусть со дня написания книги прошло больше двадцати лет, однако «Новые предложения» только-только начали набирать популярность.

Указательным пальцем Саян перелистнул сразу несколько страниц. Великолепно! Текст набран чётким и ровным шрифтом, страницы гладко срезаны. Портрет Ёкиды Неохана на титульном листе выше всяких похвал. Черты лица великого мыслителя прорисованы самым тщательным образом, губы плотно сжаты, а высокий лоб нахмурен. С таким взглядом и выражением Ёкида Неохан кажется как никогда умным и серьёзным человеком. Спасибо мастеру-гравировщику Гияну. Из-под его резца выходят удивительно живые и реалистичные картины. Впрочем, самое главное – это содержание книги.

Удивительное дело! Можно даже сказать, парадокс. Больше двухсот пятидесяти лет назад Тассунарская империя замкнулась в блаженной

самоизоляции от всего внешнего мира. Под страхом смерти иностранцам запрещено вступать на её острова, а рыбакам, если бурное море выбросило их на чужой берег, возвращаться домой. Больше двухсот пятидесяти лет на острова Тассунарского архипелага с трудом и жутким скрипом проникают новости из Большого мира. Чего уж говорить о достижениях науки, техники и культуры. Как ни странно, как раз по этой самой причине тассунарцы совершенно искренне считают свои острова вершиной мира.

В словах и умозаключениях Ёкида Неохана нет ни тени иронии. По его мнению, Мирем – совершенно круглый, без граней и углов. В Тассунаре на протяжении тысячелетий всегда почитались законы и предки, а в последние двести пятьдесят лет не было войн. Значит Тассунарская империя по природной сущности своей ни много ни мало управляет миром. По этой же причине тассунарцы – самый умный, самый воспитанный и культурный народ. Обитателей остальных земель Ёкида Неохан считает варварами, необразованными и грубыми. Больше всего отрицательных эпитетов досталось почему-то Стирии и стирийцам.

По мысли уважаемого Ёкиды Неохана, Стирия находится на самом дальнем уголке Мирема. Вот почему стирийцы глупы, простоваты и ничего не умеют делать. Всё это, дескать, обусловлено природными причинами. Правда, Саян невольно усмехнулся, утверждения и выводы великого мыслителя плохо вяжутся с реальностью. Около двух лет тому назад современные фрегаты «глупых и простоватых» стирийцев внаглую вошли в Нандинский залив и бросили якоря недалеко от берега. Мощные десятикилограммовые пушки очень выразительно уставились в сторону императорского дворца. Многочисленные джонки Морской стражи и ещё более многочисленные доблестные самураи ничегошеньки не смогли поделать с «глупыми и простоватыми варварами, которые ничего не умеют делать».

Не было счастья, да несчастье помогло. Саян печально вздохнул, томик «Новых предложений» тихо шлёпнулся обратно на кедровую столешницу. Боевые корабли стирийцев, чёрные как ночь и огромные по сравнению с утлыми джонками Морской стражи, до чёртиков, до самой глубины души, напугали тассунарские власти. Но обошлось. Доблестным самураям очень здорово и достоверно удалось разыграть грозную воинственность. Наверно и в самом деле цветные доспехи предков, страшные маски в виде лиц демонов и грозные мечи произвели на проклятых иноземцев впечатление. Стирийцы так и не начали палить из своих страшных пушек по-настоящему и благополучно убрались из Нандинского залива к чёртовой матери.

Появление возле стен императорского дворца стирийцев вызвало у тассунарцев огромный интерес к землям по ту сторону моря Окмары и Бескрайнего океана. Переводы и книги с описаниями дальних стран пошли нарасхват. Пусть правительство смотрит очень даже косо на всякие там путеводители с цветными картинками, но, хвала Великому Создателю, до прямого запрета дело не дошло. По крайней мере, пока не дошло.

Волна, какое там, цунами народного интереса коснулась не только географии чужих земель и видов из окна. Тассунарцы в самом широком смысле этого слова впервые задумались о Большом мире и о своём месте в нём. Самураи и простолюдины, учёные мужи и простые ремесленники впервые осознали, что и на других берегах живут люди. Пусть жители далёких земель «грубые варвары», однако они умеют, и очень хорошо умеют, строить большие чёрные корабли с ужасными пушками. Вот почему книга Ёкиды Неохана «Новые предложения» обрела широкую общественную популярность.

Больше полутора лет назад чёрные корабли стирийцев благополучно убрались из Нандинского залива. Саян вновь самодовольно улыбнулся. Однако его типография «Свет знаний» до сих пор получает заказы на книгу «Новые

предложения». Это, Саян дотронулся до обложки, уже четвёртое издание с фантастическим для Тассунары тиражом в тысячу экземпляров. Неужели и он разойдётся со скоростью горячих рисовых пирожков в прохладный день?

Впрочем, Саян сдвинул книгу на правый край стола, грех жаловаться. Ему удалось очень вовремя оседлать цунами народного интереса. Печать и продажа книг поставлены на поток. Полгода назад пришлось съехать со склада, дабы освободить его под нужды типографии. Теперь там сидят наборщики текстов. В больших лакированных ящиках вдоль стен разложены десятки килограммов свинцового шрифта. Всего в типографии «Свет знаний» трудится тридцать пять человек – самая настоящая мануфактура. По меркам Тассунары довольно крупная. Для сравнения, всего два подмастерья в мастерской ремесленника – уже много.

Благодаря всплеску интереса к иноземцам Саяну удалось купить этот чудный домик на Заветной улице рядом с типографией. Повезло, одним словом. Пусть домик маленький совсем, пять комнат и кухня, далеко не в самом престижном районе Нандина, столицы Тассунары, зато свой, в полной частной собственности. Последнее обстоятельство существенно подняло его авторитет в глазах торговцев, оно же вызывало глухое недовольство среди ремесленников. Что поделаешь? Оскал капитализма. Более трети работников «Света знаний» не так давно были вольными типографами и печатали книги в своих собственных мастерских. Процесс пошёл: выживает сильнейший. Благодаря «Свету знаний» мелкие кустарные типографии Нандина начали тихо-мирно разоряться.

Только, только… Почивать на лаврах – самый короткий путь к банкротству. Денно и нощно, можно и нужно закреплять достигнутый успех, развивать его и думать, думать, думать о будущем. Вот и сейчас на книгу «Морская навигация» иноземца Ринара Милипа не будет спроса в ближайшие лет десять. Ну, пять уж точно никто из тассунарцев не возьмёт её в руки. Зато в нужный момент, Саян лукаво сощурил глаза, у него будет аж целая библиотека технических и научных книг зарубежных авторов. Время идёт, пинает под зад и тычет в спину между лопаток дулом современного ударного ружья. Скоро, скоро, очень скоро Тассунарской империи предстоит сбросить сонные оковы блаженной самоизоляции и встать на путь научно-технического прогресса. Придётся, как бы ни хотелось обратного надменным самураям. И вот тогда хорошие, качественные переводы иноземных книг начнут покупать ещё более активно и жадно, чем сейчас разбирают книгу Ёкиды Неохана «Новые предложения».

Ладно, хватит мечтать, пора работать. Саян осторожно взял тремя пальцами тонкую дощечку вместо закладки и легко распахнул «Морскую навигацию». Долгая, очень долгая жизнь на Мирему сделала из него профессионального лингвиста и переводчика. Уж сколько за пять с лишним тысяч лет ему пришлось выучить языков и сменить профессий. В том числе довелось не раз и не два водить морские суда по морям и океанам старичка Мирема. Великий Создатель наградил его и двух его бессмертных друзей Ягиса и Ансива не только бессмертием и волшебным даром, Саян машинально поправил массивный тёмно-синий браслет на правом запястье. Ещё Создатель всего сущего дал им способность к изучению чужих языков. По говору, по мельчайшим нюансам тассунарского языка за двенадцать лет так никто и не сумел разоблачить в нём иноземца.

Строчки ложатся за строчками, страница за страницей. Привычная и любимая работа. Запах чернил и клацанье типографских станков. Недели через три-четыре, может раньше, «Морская навигация» будет переведена на тассунарский язык от первой страницы до последней. Правда, Саян бросил взгляд на разворот книги, ещё нужно будет аккуратно и точно перерисовать многочисленные рисунки, схемы и чертежи. Дополнительные проблемы,

сложности и расходы, зато «Морская навигация» на тассунарском языке с рисунками, схемами и чертежами существенно выиграет в цене и ценности. Покупателям будет гораздо легче выложить за бумажный томик десяток-другой лишних дзэни, местных медных монет. Но это будет после.

– Витус?

Саян оторвал глаза от бумажного листа. Проход внутрь дома считается продолжением улицы. На земляном полу в соломенных сандалиях стоит Вжин, помощник и первый мастер типографии. Простолюдин в рабочем поношенном кимоно с коротким подолом вопросительно и преданно смотрит в глаза. Палочка для письма в лёгком раздражении опустилась на кедровую столешницу.

– Слушаю вас, уважаемый, – Саян вежливо улыбнулся. – По какому поводу вы пришли?

Нежданный и незапланированный приход Вжина оторвал от любимой работы. В груди неприятно щиплет раздражение. Только не дело уважаемому торговцу рычать на работника или, упаси бог, на покупателя.

Вежливый вопрос Вжин воспринял как предложение войти и поднялся на деревянный настил внутри дома. Соломенные сандалии мягко плюхнулись на земляной пол за его спиной. Не так давно первому мастеру исполнилось сорок два года, седина лишь коснулась его коротко стриженых волос. Обычно тассунарцы тощие, как недокормленные подростки. Для простолюдина, который в детстве полол грядки с репой, Вжин довольно крупный и упитанный.

Вжин великолепно разбирается в печатном деле, в типографских станках, литерах и красках. Его рабочее кимоно из конопли далеко не первой свежести, однако на просторных рукавах и подоле невозможно найти ни одного чёрного пятнышка типографской краски. И это при том, что ему непосредственно приходится стоять у печатного станка и набивать чернилами печатный набор. Он даже умеет бегло читать, но, к превеликому сожалению, совершенно не в ладах с математикой. Расплатиться за обед в лапшичной, правильно подсчитать стоимость заказанных блюд и напитков ещё может, а вот подбить бухгалтерский баланс, учесть затраты на расходные материалы и свести числа в удобную таблицу – это далеко за пределами его умственных возможностей.

– Разрешите? – Вжин замер с погнутой спиной возле столика.

Саян молча кивнул, Вжин тут же присел возле столика на корточки.

– Уважаемый, – тихо, словно заговорщик на тайном собрании в заброшенном доме глубокой ночь, произнёс Вжин, – вы слышали последнюю новость из дворца нашего любимого императора?

– Нет, не слышал, – осторожно ответил Саян.

– Как же? – Вжин очень правдоподобно изобразил на лице удивление, хотя на самом деле ещё больше обрадовался, в его глазах загорелся хорошо знакомый огонёк. – У нашего любимого императора Тогеша Лингау сегодня утром родился сын. Мне известно имя, которым нарекли младенца, – Рум! Я даже знаю, кто его мать.

– И кто же? – Саян слегка улыбнулся.

– Это не уважаемая Леная Гюншер, супруга нашего повелителя, а Агнессия Шрайт, самая красивая наложница нашего любимого императора.

Саян плотно сжал губы, неловкий смех едва-едва не вырвался наружу. По непонятным причинам простолюдина Вжина очень, очень интересует личная жизнь императора и его ближайших придворных. Первый мастер типографии постоянно снабжает Саяна новостями из дворца, будь то рождение очередного сына или анекдот о том, как витус Борп, придворный астролог, оплошал на важной церемонии, когда положил катану на пол перед собой остриём вперёд.

– И каким же по счёту сыном будет новорождённый Рум? – Саян вежливо улыбнулся.

Простой вроде бы вопрос заставил Вжина смутиться и покраснеть.

– Ну-у-у… Пятый, наверно, – неуверенно пробормотал Вжин. – А может, шестой.

Поддеть страстного собирателя придворных новостей и сплетен на его любимом поприще – это надо уметь. Маленькая, но очень приятная победа.

– Вжин, я тебе много, много раз говорил: – Саян, словно строгий учитель перед нерадивым учеником, поднял указательный палец, – нам, простым подданным, не полагается много знать о личной жизни императора. Всё, что от нас требуется, – работать, вовремя платить налоги и соблюдать законы нашего великого государства. Так у тебя какое-нибудь важное дело ко мне? – Саян выразительно уставился на Вжина.

– Э-э-э… нет, уважаемый, – Вжин отвёл глаза.

– Вот! – Саян вновь поднял указательный палец. – За новость, конечно, спасибо. Когда начнутся официальные празднования, мы обязательно выпьем по чашечке горячего сакэ за здоровье и долголетие очередного сына императора. А сейчас возвращайся к работе.

Вжин нервно оглянулся по сторонам. Первому мастеру очень, очень хочется рассказать побольше подробностей из личной жизни императора. Не иначе людская молва донесла до его ушей пару-тройку пикантных подробностей. С тихим вздохом Вжин поднялся на ноги.

– Осторожней! – на выходе из приёмного зала Вжина задел плечом парень лет двенадцати в ношеном хлопковом кимоно с чужого плеча.

– Прошу прощения, уважаемый, – паренёк вежливо склонил голову, – мне нужно срочно передать приглашение утусу Саяну.

Не иначе посыльный.

– Слушаю вас, уважаемый, – Саян положил обратно на столешницу палочку для письма.

– Меня прислал витус Навил Сейшил, – посыльный вежливо поклонился.

– Как здоровье уважаемого купца? – Саян тут же выпрямил спину.

– Хвала Великому Создателю, отличное.

– Какое дело у витуса Сейшила ко мне?

– Витус Сейшил приглашает вас, утус Саян, для доверительной беседы к нему в контору, как только у вас будет на то время.

Навил Сейшил не только один из самых богатых торговцев, ростовщиков и менял в Нандине, а ещё покровитель. Именно в его магазине «Дом бумаги и книг» Саян начал работать, когда перебрался из Давизуна в Нандин. С подобными приглашениями не шутят, об отказе не может быть и речи. Лишь благодаря близкому знакомству с витусом Сейшилом у Саяна нет проблем с властями и сборщиками налогов. Деловые связи с уважаемым купцом обеспечивают немалую долю доходов типографии. Через «Дом бумаги и книг» расходится от четверти до трети изданных «Светом знаний» книг. А это такая реклама, которую невозможно купить ни за какие деньги.

– Передайте уважаемому Навилу Сейшилу, что я немедленно прибуду к нему, как только приведу себя в подобающий вид.

– Будет исполнено.

Юный посланник вежливо раскланялся и удалился.

И с чего бы это уважаемому Навилу Сейшилу приспичило вдруг? Саян поднялся из-за столика. Последний раз они виделись на прошлой неделе, когда Саян доставил в его магазин очередную партию книг и лично заверил уважаемого купца в своём почтение. Впрочем, это скоро выяснится.

Рабочее место нужно держать в чистоте и порядке. Саян закрыл чернильницу, вытер палочки для письма о старый платок и аккуратно сложил листы двумя пачками. В левой – чистые, в правой – исписанные. Ещё нужно

будет надеть новое чистое кимоно и предупредить Вжина. Первый мастер частенько остаётся в типографии за старшего, когда у Саяна возникает нужда отлучиться в город по какому-либо делу.

Не прошло и половины часа, как Саян в новом чистом кимоно из хлопка приятного синего цвета переступил порог конторы «Меняла Навил Сейшил» на Имперском проезде. Господи, как давно и недавно это было. Чуть больше трёх лет назад Саян нищим оборванцем зашёл в эту контору и едва ли не силой уговорил Навила Сейшила взять его работником для разных дел, дворником, чернорабочим и куда пошлют. С тех пор в конторе ничего не изменилось. Проход с земляным полом не стал шире ни на сантиметр, а доски деревянного настила, как и прежде, отполированы до блеска. Налево от входа у стены всё тот же высокий шкаф с выдвижными ящичками. Витус Сейшил всё так же сидит за небольшим столиком возле широкой занавески.

Пусть витус Навил Сейшил, как и три года назад, одет в просторное кимоно тёплого жёлтого цвета, а круглое лицо тщательно выбрито, только на его голове прибавилось седых волос, да под глазами наметились мешки. Впрочем, уважаемый меняла держится молодцом. За три прошедших года могущество Навила Сейшила только выросло. В недалёком будущем пусть не он сам, так его наследники точно станут могущественными банкирами Тассунарской империи.

В тассунарском обществе купцы и менялы до сих пор считаются паразитами, ибо ничего не производят. Однако торговое сословие – самое мобильное, самое прогрессивное в Тассунаре. За поясом витуса Сейшила заткнуто самое яркое тому подтверждение – вакадзаси, короткий меч. Рядом на деревянной стоке покоится катана, длинный меч. Только за исключительные заслуги представители сословия «паразитов» получают родовое имя и право носить два меча.

Согласно этикету Саян в одних таби (тассунарские носки со шнуровкой на лодыжках) поднялся на деревянный настил. Соломенные сандалии остались на земляном полу в проходе.

– Добрый день, уважаемый, – Саян опустился на колени и низко, касаясь лбом прохладных досок, поклонился покровителю. – Вы изволили звать меня. Я прибыл сразу, как только привёл себя в подобающий вид.

Витус Сейшил кивнул в ответ. Отрешённый взгляд уважаемого менялы направлен в сторону.

– Садись, – не глядя на Саяна, произнёс витус Сейшил. – Я рад, что ты сумел так быстро откликнуться на моё приглашение.

Разрешение от вышестоящего получено. Теперь и только теперь можно присесть на квадратную циновку возле низенького столика витуса Сейшила. Саян подогнул ноги, руки машинально разгладили складки на кимоно. Теперь остаётся только ждать. Строгий этикет требует молчать с учтивой миной на лице, пока вышестоящий не соизволит заговорить первым. Только витус Сейшил молчит и буравит задумчивым взглядом лёгкую льняную занавеску. По ту сторону куска ткани бурлит и шумит Имперский проезд, самая большая, самая шумная и самая престижная улица в столице империи. Лишь только один факт того, что контора витуса Сейшила находится здесь, знающим людям говорит очень и очень о многом.

Можно подумать, Саян сощурил глаза, будто уважаемый купец находится в глубокой растерянности и не знает, с чего начать разговор. В подобное верится с большим трудом. Точнее, вообще не верится. Уважаемый меняла часто имеет дело если уж не напрямую с Тогешем Лингау, десятым императором Тассунары, то с его великим советником точно. Не говоря уже о даймё, владельцах доменов и самураях рангом пожиже. И что же такое всё же способно озадачить уважаемого менялу при виде скромного издателя?

Саян невольно поёжился, по позвоночнику скатилась холодная волна. Зачем витус Сейшил пригласил его – бог его знает. Но уж точно не для того, чтобы поздравить с рождением очередного сына, как там его по имени, любимого императора.

– Саян, скажи, – взгляд витуса Сейшила вдруг воткнулся прямо в душу, – тебе не надоело самому чистить уши?

– Э-э-э, простите? – с трудом выдавил из себя Саян.

Какие уши? Зачем их чистить? Лихорадочные мысли гулким эхом отразились в пустой голове. Это он о чём?

– Ты удивлён и ничего не понимаешь? – витус Сейшил усмехнулся. – Хорошо, спрошу прямо: Саян, почему ты до сих пор так и не попросил руки ни одной из моих дочерей?

Господи! Вот он о чём. С губ едва не сорвался вздох облегчения. Саян расслабил спину и ноги. Чистить мужу уши от серного налёта – одна из обязанностей тассунарских жён. Яркие цветные картинки, в которых муж положил голову на бедро супруги, а та чистит ему ухо, очень любят вставлять в книги о семье и супружеской жизни. Подобная сцена считается воплощением семейной идиллии.

– Тебе двадцать два года, – ровным голосом продолжил витус Сейшил. – У тебя своё успешное дело. Тебе давно пора подумать о жене и наследниках.

Если бы Саян и так не сидел бы на полу, то непременно стёк бы на пол от удивления. Никогда, ну никогда бы не подумал бы, что столь могущественного и влиятельного купца интересует личная жизнь пусть далеко не самого бедного, однако всё равно весьма скромного издателя.

– Я знаю точно, ты не чураешься женского общества, – витус Сейшил по-своему расценил молчание Саяна. – Насколько мне известно, ты регулярно навешаешь Наону в «Пионовом саду». Да, куртизанки там хороши, только ни одна из них не является настоящей женщиной.

«Пионовый сад» – далеко не самый дешёвый бордель в Камышовой пустоши, в районе увеселительных заведений для мужчин недалеко от Нандина.

– Или? – витус Сейшил грозно сдвинул брови, – ты имел неосторожность влюбиться в Наону?

Грозная по тассунарским меркам речь помогла справиться с оцепенением.

– Это не так, уважаемый, – Саян машинально поклонился. – Ни в Наону, ни в любую другую куртизанку «Пионового сада» я не влюблён. Заверяю вас. Просто я предпочитаю постоянную женщину, дабы не тратить драгоценного времени на раздумья и выбор.

– Тогда почему ты до сих пор так и не попросил руки ни одной из моих дочерей?

Бессмертному наследник не нужен. Только как это объяснить уважаемому купцу?

– Да, вы правы, – Саян смиренно опустил глаза, – у меня хорошее дело: книги приносят мне пусть небольшой, зато стабильный доход. Только книги не рис. У меня до сих пор нет твёрдой уверенности в своём будущем. Когда наступают плохие времена, люди продают книги и покупают рис. И никогда не делают наоборот.

Не мне рассказывать вам, уважаемый. Торговое дело подобно морю Окмара в шторм. Как ни старайся, как ни веди дела самым честным и достойным образом, всегда существует опасность налететь на подводные скалы и уйти на дно. Ни одной из ваших дочерей я не желаю печальной судьбы стать супругой банкрота.

Пусть витус Сейшил не начальник, не повелитель, а всего лишь покровитель, однако он достаточно могуч, чтобы любая попытка перечить ему могла бы выйти

боком. Только привести в свой дом постоянную женщину, жену – ещё хуже, ещё опасней.

– Ты знаешь, – губы витуса Сейшила тронула печальная улыбка, – на прошлой неделе ко мне приходил очередной искатель богатой невесты. Самурай, между прочим. Правда, захудалый. То ли из домена Игнеп, то ли вообще из Фрунт, не помню точно. Так вот, когда я спросил его, почему он хочет жениться на Жинге, моей дочери, он привёл точно такие же доводы.

Саян окаменел, коленные чашечки словно продавили квадратную циновку и деревянный пол. Щёки запылали жаром. Ещё только покраснеть на глазах у покровителя не хватало. Слова витуса Сейшила попали точно в цель: как раз по этим самым причинам имеет смысл искать поддержку у богатого и могущественного человека. Женитьба на дочери такого человека – идеальный вариант.

– Ну вот и настал момент, когда мне пришлось пожалеть о тех деньгах, что нашлись у тебя на открытие собственной типографии, – витус Сейшил печально вздохнул. – Вижу, ты не хочешь жениться, раз выдаёшь желаемое за действительное. Почему – не буду допытываться. Только было бы лучше, если бы мы стали родственниками. Дочери мои подрастают. Моя задача как доброго родителя подыскать им хороших мужей. Но я позвал тебя не для этого.

Аж на сердце отлегло! Саян вымученно улыбнулся. Витус Сейшил хлопнул в ладоши. Передвижная дверь с тихим шелестом отошла в сторону. В контору с глубоким поклоном вошёл юноша лет четырнадцати. Стройный и худощавый, простое хлопковое кимоно серого цвета сшито точно по фигуре. На нежном лице красные прыщи полового созревания. С первого же взгляда на него можно узнать знакомые черты. Память тут же услужливо подсказала имя – Собан, пятый, самый младший, сын уважаемого менялы.

– С моим сыном ты знаком, – витус Сейшил махнул рукой в сторону юноши. – Он хорошо умеет читать, писать и очень ловко считает на соробане. Так же он хорошо воспитан, уважает старших и начитан. Если не все, то самые достойные и полезные книги в моём магазине прошли через его руки. Ну а главное, он толковый и расторопный работник.

Витус Сейшил расхваливает младшего сына так, словно продаёт породистого скакуна на рынке Нандина. Саян покосился на самого младшего Сейшила. Нехорошее предчувствие потихоньку скапливается в горле горьким комком.

– Прошу тебя, лично, – возьми его к себе на работу, – наконец-то закончил витус Сейшил.

Вот она главная причина нежданного приглашения в гости. Саян отвёл глаза. На душе такое чувство, будто только-только надел новенькие сандалии из дорогой кожи и тут же, за порогом собственного дома, наступил на свежую коровью лепёшку. У Навила Сейшила девять детей, пять сыновей и четыре дочери. Если дочерей можно просто выдать замуж, то с сыновьями гораздо сложней. Собану, как самому младшему, занять достойное место в финансовых делах отца и в его завещании не грозит никоим образом. Как самый младший сын он обречён до конца жизни работать либо на старших братьев почти как наёмный работник с улицы, либо пуститься в свободное плаванье на свой собственный страх и риск.

– Благодарю за оказанное доверие, уважаемый, – Саян быстро собрался с мыслями, – только я не могу взять на себя заботу о вашем сыне. Мне приходится трудиться днями напролёт. При всём уважении, моя типография не место для высокородных детей.

Подобным заявлением можно легко и просто навлечь на себя гнев покровителя. В лучшем случае витус Сейшил тихим, спокойным голосом прикажет убираться вон и никогда более не приходить. А может воспылать местью и

попросить витуса Акуномо, ёрики Север Западного предела Нандина, закрыть «Свет знаний» за действительные или мнимые нарушения. Но иначе нельзя. Вот только дармоеда и лентяя на собственную шею не хватало. Да и где гарантия, что подобным образом уважаемый Сейшил не «подарит» ещё одного никчёмного отпрыска. Пусть подобные дела не красят уважаемого торговца и менялу, только желание избавиться от лишнего рта и расточителя может пересилить чувство собственного достоинства.

Испокон веков в семьях тассунарских торговцев почитают трудолюбие, усердие и умеренность. Витус Сейшил работает не меньше и не менее усердно, чем Вжин, первый мастер «Света знаний», пусть и носит более дорогое кимоно и пьёт более качественное сакэ. Только богатство развращает. Хватает примеров, когда дети богатых купцов предпочитают вести праздную жизнь без трудов и забот. Не удивительно, что чаще всего подобный образ жизни заканчивается либо трагическим изгнанием из семьи, либо полным разорением родителей.

– Я понимаю, какие мысли сейчас проносятся в твоей голове, – витус Сейшил улыбнулся. – Смею заверить: это не моя прихоть, а настойчивая просьба самого Собана.

Самый юный Сейшил густо покраснел и потупил глаза. Мальчишка. Ещё совсем, совсем не умеет держать собственные эмоции.

– С ранних лет мой сын проявил большой интерес к книгам, а чуть позже к их печати. Собан долго упрашивал меня помочь ему устроиться к тебе работником, Саян. Я прошу тебя взять моего сына на испытательный срок хотя бы, – витус Сейшил на мгновенье задумался, – на два месяца. Если за это время он никак себя не проявит или покажет себя с дурной стороны, то я немедленно заберу его. Даю слово.

Саян нахмурился. С подобными обещаниями не шутят. Пусть витус Сейшил не предлагает подписать полноценный договор, но и без бумаги с чернилами его слово много стоит. Несмотря на все свои связи, богатство и влияние, он предпочитает вести дела честно, как предписывает «Путь торговца». Ну или почти честно, насколько такое вообще возможно с заносчивыми и бедными самураями высшего ранга. Саян глянул на самого младшего Сейшила. Парень стоит ни живой ни мёртвый, глаза опущены, а щёки горят от смущения, как у девицы при виде жениха.

Может…, рискнуть? Никогда ранее ни в чём подобном витус Сейшил замечен не был. Тем более толковый помощник действительно нужен. Куцые мозги и упругие мускулы можно найти на каждом углу. А вот толкового и честного приказчика, которому можно было бы смело поручить текущую бухгалтерию, ещё надо поискать. А тут витус Сейшил сам предлагает.

– Хорошо, уважаемый, – Саян повернулся к витусу Сейшилу, – я согласен взять вашего сына с испытательным сроком на два месяца. Но! У меня будут дополнительные условия.

Витус Сейшил не зря ворочает тысячами золотых кобанов, ссужает их заносчивым самураям и при этом умудряется сохранить голову на плечах. Сохранить в прямом смысле. Иной бы витус разозлился бы. Как же! Мелкая сошка условия ставит. А вот витус Сейшил даже обрадовался. Вот что значит торговая закваска.

– Пусть Собан живёт в моём доме, – продолжил Саян, – чтобы всегда был под присмотром и не тратил драгоценного времени на дорогу в ваш дом и обратно. Во-вторых, пусть жить он будет только на то, что я буду ему платить. Пусть привыкает к самостоятельной жизни и не рассчитывает более на ваш кошелёк, уважаемый.

– Эх, Саян! – правый кулак витуса Сейшила легонько стукнулся по письменному столику, однако Саян аж вздрогнул от неожиданности. – Теперь я

ещё больше жалею о том, что ни одна из моих дочерей так и не приглянулась тебе. Хорошо, я согласен.

Витус Сейшил протянул раскрытую ладонь, Саян тут же шлёпнул по ней всеми пятью пальцами. Сделка официально завершена.

– Собана я пришлю сегодня вечером. Пусть соберёт вещи и попрощается с матерью. А теперь, уважаемый, можешь идти.

– Всего вам наилучшего, уважаемый, – Саян низко поклонился.

– И вам всего наилучшего, – витус Сейшил в ответ склонил голову.

На Имперском проезде Саян отошёл на пару домов, но не выдержал и оглянулся. Контора покровителя всё такая же, как и три года тому назад – напускная скромность на очень дорогом месте. Покатая крыша с загнутыми углами, широкое окно затянуто тонкой льняной тканью. Над входом обычная вывеска, красные буквы на чёрном фоне: «Меняла Навил Сейшил».

Отпрыск богатого папы – риск, да ещё какой. Но уж лучше он, нежели дочь в качестве жены от этого же папы. Бессмертному наследник не нужен, да и жениться ни в коем случае нельзя. Жаль, эти простые истины витус Сейшил, при всём его уме и проницательности, понять не сможет.

Глава 2. Гром посреди ясного неба

Деревянная приставная лестница скрипит при каждом шаге так, что уши едва не сворачиваются в трубочку. Саян осторожно опустил левую ногу на предпоследнюю перекладину. Обычная деревянная лестница скрипит не больше, чем обычно. Это всё нервы, нервы проклятые. Ей-богу, страшно. Будто по ту сторону стены притаился десяток мушкетёров, которые только и ждут, пока его голова покажется над кирпичной стеной. Саян медленно и очень осторожно глянул на Заветную улицу. Вроде тихо. Пока.

Невольно чувствуешь себя в осаждённой крепости. Неширокая пыльная улица пуста. Простенькие деревянные дома с покатыми крышами плотно обступили проезд. Двери и ставни наглухо закрыты. Жители задвинули все засовы и защёлки. Для полной надёжности подпёрли двери и окна столиками и палками.

Тихо. Чересчур тихо. Вот это и пугает больше всего. Пусть Заветная улица далеко не Имперский проезд, однако в разгар рабочего дня при свете прекрасной Геполы она обычно заполнена простолюдинами, торговцами вразнос, крестьянами с поклажей и тачками. Бывает, по ней несколько раз на дню проезжают верховые самураи. А пеших воинов так вообще на любом углу встретить можно.

И слава богу, что Заветная улица не Имперский проезд. Саян осторожно спустился на землю. От напряжения на лбу выступил обильный пот. Маленькие капельки скатываются по щекам и падают на кимоно. Если бы только из-за полуденной жары. Саян вытащил из кармана квадратный платочек. В Нандине, в столице Тассунарской империи, бунт.

Хвала Великому Создателю, этот год в империи выдался более-менее урожайным. Ни град, ни сильный дождь, ни засуха, ни парша, ни саранча не погубили посевы риса, самой главной сельскохозяйственной культуры Тассунары. Крестьяне собрали в амбары и зернохранилища пусть не обильный, однако вполне достойный урожай. Только то, что не стала делать матушка-природа, сделали люди. Точнее, торговцы рисом.

Оптовые торговцы до такой степени доспикулировали рисом, до такой степени вздули цены на самый главный продукт питания, что спровоцировали самый настоящий голод. Маленькая искорка, с десяток голодных смертей на улицах Нандина. И вот столичная чернь, нищие и поденщики, подняли бунт.

Саян в очередной раз пошевелил массивный брусок: ворота заперты надёжно, засов прочный, петли не ржавые, дубовые доски створок не тронуты гнилью. А всё равно страшно. По ту сторону ворот бушует самый настоящий хаос. Тишину на Заветной улице правильней было бы сравнить с затишьем перед бурей.

Как обычно, главные события разворачиваются в центре города, на Имперском проезде и в Прибрежном районе, где находятся самые крупные склады торговцев рисом. Толпы голодной черни с упоением громят магазины, выламывают двери и окна, выносят запасы риса мешками. Плохо то, что и на Заветной улице можно найти пару-тройку продовольственных складов. Нандин город огромный, более миллиона жителей. И всю эту ораву нужно кормить каждый день. Остаётся надеяться, что взбешённая толпа так и не доберётся до Заветной улицы.

Как обычно, власти не спешат вмешиваться. Проверенный веками рецепт: сперва дать черни возможность спустить пар, в буквальном смысле нажраться до пуза и лишь после разогнать простолюдинов по домам и лачугам. Пока ещё вмешается городская стража, пока еще ёрики и досины соизволят указать простолюдинам их законное место. Если не надеяться только на себя, то бунтовщики могут походя разгромить типографию «Свет знаний».

Из-за угла склада показался Вжин, первый мастер типографии. Простолюдин напуган и от страха немилосердно потеет. Щёки красные, глаза то и дело пробегают по воротам и стенам. Волнуется Вжин, ещё как волнуется. Прекрасно понимает, чем для него лично может закончиться очередной бунт. Долгие годы ему приходилось довольствоваться ролью подмастерья в чужих кустарных типографиях. А тут он самый настоящий начальник. Саян устало махнул рукой. Не то, чтобы совсем, но потеть Вжин стал чуть меньше.

Несмотря ни на что, типография продолжает работать. Узкий длинный дворик между двумя рядами бывших складов наполнен стуком молотков и клацаньем печатных станков. Слышно, как визжит пила. В другом месте с глухим треском колют дрова. Рабочий день в разгаре, работники на местах и усердно работают. Пусть не так слаженно и спокойно, но работают. Дело не в потерях от простоя. Нет. Когда руки заняты, когда нет времени на беспокойство, в голову в гораздо меньшем количестве лезут дурные мысли.

За тринадцать лет Саяну удалось существенно расширить типографию. Восемь печатных прессов и четыре десятка работников. За эти годы удалось полностью выкупить склад, где изначально размещалась типография, соседние помещения и длинный ряд складов напротив. Небольшой жилой домик, который Саян делит с Собаном Сейшилом, и склады обнесены трёхметровой кирпичной стеной. Дорого, конечно, зато необходимая и оправданная предосторожность.

По-своему, книги весьма специфический товар. В первую очередь их должно быть много как по количеству названий, так и по количеству бумажных томиков. В самом большом и сухом складе хранится больше десяти тысяч книг нескольких сот наименований. Рядом, в соседнем складе, на длинных полках сложены деревянные оттиски для рисунков, кипы чистой бумаги, рулоны кожи и несколько бочонков с типографской краской. Саян перевёл дух. Как раз сейчас его дело достигло такого уровня развития, про который очень метко говорят: «Сложить все яйца в одну корзину и не спускать с неё глаз». Не дай бог, бунтовщики сожгут или разграбят типографию. Тогда всё, буквально всё, придётся начинать сызнова.

Толстая кирпичная стена вокруг типографии не прихоть, а насущная необходимость. В Нандине отлично развита пожарная служба. Специальные отряды пожарных готовы в любой момент, в любое время суток, примчаться на место возгорания. Однако пожары всё равно регулярно обращают целые

кварталы Нандина в горы золы и обугленных головёшек. Трёхметровая стена из негорючего кирпича – самое эффективное средство защиты от огня. Она же, дай бог, поможет отбиться от бунтующей черни.

Со стороны Заветной улицы донеслись крики и гам. Саян стрелой взметнулся по приставной лестнице и осторожно выглянул из-за края стены. Проклятье! Накаркал.

Вдали на Заветной улице показалась большая толпа. Простолюдины. Как и следовало ожидать, одна беднота. Грязные замызганные кимоно из дешёвой конопли. Многие вообще в набедренных повязках. Грязные руки, ноги, лица. И это при том, что тассунарцы славятся личной гигиеной. Из оружия дубинки и палки. Изредка можно заметить короткие копья или кухонные ножи. Зато, Саян невольно усмехнулся, огня нет. Это во Фратрии или Гилкании бунтующая беднота очень любит размахивать факелами посреди яркого дня. Даже самые бедные тассунарцы прекрасно понимают, чем для них может обернуться хотя бы один факел.

– Вжин, – Саян съехал по приставной лестнице на землю, – созывай работников.

Первый мастер побледнел так, будто только что услышал приказ о собственной казне. Однако Вжин всё же нашёл в себе силы сдвинуться с места и убежать за подмогой. Шум работающей типографии тут же смолк. Вскоре перед воротами маленькой толпой выстроились все без исключения работники.

Да-а-а… Саян печально вздохнул. Не шиш воинство. Работники типографии вооружились всем, что только подвернулось под руку: короткими дубинками и молотками. Несколько человек неуверенно сжимают в руках длинные шесты. Зато все без исключения мнутся от страха. Только чихни – тут же попадают в обморок. Да-а-а… Саян покачал головой: насколько самураи воинственны и неустрашимы в бою, ровно настолько же простолюдины пугливы и неуверенны.

У каждого работника дома, в лачуге или хижине на окраине Нандина, осталась семья. Но работа, источник существования, гораздо важнее. По этой причине каждый из них пришёл сегодня утром в типографию и не удрал домой, едва по улицам столицы взрывной волной прокатилась весть о бунте. Работники дрожат от страха, едва не делают прямо в штаны, но, всё же, сбились в кучу перед лицом возможной опасности.

– Не толпимся. Не толпимся. Встали плотным строем, – тихо скомандовал Саян. – Отал, Жетол, вышли вперёд.

Два самых рослых работника нехотя выдвинулись в первый ряд.

– Так, – Саян оглядел своё воинство. – Нилс, Моан и Онур, вы со своими шестами встаньте в третий ряд.

Толпа работников у ворот превратилась в некое подобие фаланги. Ну, хоть что-то. Если повезёт, бунтовщики испугаются первыми. Саян вновь залез на приставную лестницу.

Толпа черни всё ближе и ближе. Вот уже можно разглядеть белки глаз. Господи, Саян вжал голову в плечи, пьяные в хлам. Успели-таки, черти полосатые, добраться до запасов сакэ. Очень, очень многих тассунарцев алкоголь превращает в деревянных болванчиков, которые напрочь теряют возможность думать и чувствовать боль. Не приведи господи!

Руки до боли в суставах вцепились в край стены. От волнения спёрло дыхание. Лишь бы только не заметили… Лишь бы только не заметили… Саян пригнулся ниже. Шум и пьяные вопли нарастают. Гул голосов слился в зловещую какофонию.

Ещё момент… Ещё секунда…

Пронесло! Саян облегчённо выдохнул. Толпа пьяной черни прошла мимо. Не зря, значит, разрисовал внешнюю стену книгами и расписал рекламными

объявлениями об оптовой торговле. Даже самый тупой и в доску пьяный нищий должен догадаться, что здесь он не найдёт ни риса, ни сакэ, ни сладких пирожков, ни даже ткани, чтобы закутать грязную задницу в дорогой шёлк. В этом плане книги очень даже удобный товар, ибо обслуживают не потребности тела, а души. Но… Саян вновь чуть высунулся из-за края стены, куда они направляются?

А-а-а… Ну конечно, чего и следовало ожидать. Дальше по Заветной улице находится склад купца Саона Штуна. Он как раз торгует рисом. Или не рисом? Саян выглянул из-за стены на целую голову. В общем, уважаемый купец торгует чем-то съестным. Может даже, сакэ.

– Витус, – снизу испуганно пискнул Вжин.

Саян оглянулся. Работники типографии натянуты до предела. Щёлкни пальцами, половина тут же грохнется в обморок, а вторая половина в ужасе разбежится.

– Всё нормально, они прошли мимо, – Саян спустился на четыре ступеньки ниже. – Возвращайтесь к работе.

Дружный выдох облегчения и вымученные улыбки. Работники типографии с превеликой радостью разбежались по верстакам и печатным станкам. Вскоре проход между складами и пятачок свободного пространства перед воротами вновь наполнились ударами молотков и клацаньем печатных форм. Простые тассунарцы ещё те трусы, зато старательные и дисциплинированные работники. А что же творится на Заветной улице?

Саян вновь поднялся по приставной лестнице на самый верх и глянул поверх кирпичной стены. Кто бы сомневался! Бунтовщики уже вынесли входные ворота и старательно растаскивают склад купца Саона Штуна. Створки настежь, на земле валяется выбитый засов. Простолюдины кто мешками, кто корзинами, а кто прямо в подоле грязного кимоно выносят рис. Другие бунтовщики дружно выкатывают на улицу большие бочки с сакэ. В стороне нищий в грязной набедренной повязке уже просверлил в бочке дырочку и присосался к ней, словно клещ. Этому доходяге хватит пары глотков крепкого сакэ, чтобы упиться в хлам.

Так и есть – парень в порванном кимоно самым бесцеремонным образом оттащил тощего нищего прямо за ноги от вожделенной бочки. Впрочем, ему и так уже хорошо. Пьяный в хлам простолюдин так и остался валяться у стены грязной куклой с выпученными глазами.

Пусть внимание черни целиком и полностью поглощено складом купца Саона Штуна, только расслабляться ни в коем случае нельзя. Саян инстинктивно пригнул голову. Не дай бог, если хотя бы одном идиоту придёт в голову, будто в типографии рядом куча еды, денег и выпивки. Пара пьяных возгласов, и вся эта безмозглая орава рванёт на штурм «Света знаний». Толпа эмоциональна, импульсивна и абсолютно не умеет рассуждать здраво. Ох! Не накаркать бы.

Над головой гулко бухнуло. Саян поднял глаза в небо. Что это было? На синем-синем небосклоне ни тучки, ни облачка. Так откуда гром?

Но вот опять что-то гулко бухнуло. Через несколько секунд слабое эхо отразилось от склонов Огаялского отрога. Даже грабители у склада купца Саона Штуна на миг остановились и с удивлением уставились в синее-сениее небо. Впрочем, через пару мгновений вынос чужого имущества продолжился с прежним энтузиазмом и упоением. Раз это не ёрики с досинами и даже не разгневанный владелец с подручными, черни начхать на шум с небес.

– Витус, что это было? – снизу испуганной мышью пискнул Вжин.

– Понятия не имею, – Саян спустился на землю.

Но вот с небес упал новый гул. А потом ещё и ещё один. Это же… В висках застучало, сердце сковал лёд, а дыхание спёрло в груди. Левая рука ухватилась

за ступеньку на приставной лестнице. Как же? Как же можно было не узнать сразу?

– Витус, что с вами? – Вжин перепугался ещё больше.

Саян, ничего не говоря, приподнял приставную лестницу и поволок её к дому. Только не это! Только не это! Паническая мысль отдаётся болью в висках. Пусть это будет и в самом деле гром посреди ясного неба. Чудеса в мире бывают, сам тому доказательство.

Верхний конец деревянной лестницы с грохотом прислонился к краю крыши. Обломки керамических черепиц градом посыпались на землю. Саян, не обращая внимания ни на испуганного первого мастера, ни на порчу собственного имущества, с ловкостью обезьяны с подпаленным хвостом взобрался на крышу.

Соломенные сандалии улетели на землю. Жар жжёт пятки. Керамические черепицы ходят ходуном. Саян опасно качнулся из стороны в сторону. Так и на землю брякнуться недолго. Наконец руки ухватились за конёк крыши. Последний рывок! Саян встал в полный рост.

Западный предел, район Нандина, словно присел и уменьшился в размерах. С крыши маленького домика отлично видна не только Заветная улица и почти разграбленный склад купца Саона Штуна. На западе можно разглядеть гладь Нандинского залива и даже вершины Анельского полуострова, который отделяет залив от моря Окмара.

Сердце ухнуло в левую пятку, Саян едва не скатился с крыши на землю. Левая рука в самый последний момент уцепилась за горячий край конька. Отпали последние сомнения. Над Нандинским заливом поднимается большой чёрный столб дыма. Возле него целый лес мачт. Даже отсюда видно, что это не джонки Морской стражи. Тассунарские паруса совсем, совсем другие. Это, Саян скрипнул зубами, иноземцы. Проклятые иноземцы вернулись, чтобы попытаться ещё раз «открыть» Тассунару. И на этот раз они настроены гораздо, гораздо более решительно. И на этот раз разноцветные доспехи предков и танцы с мечами не помогут.

Словно подчёркивая дурные предчувствия, со стороны залива долетел грохот. Над крышами Нандина на миг показалось чёрное облако. Морские орудия, чудовищные десятикилограммовые пушки. Одно такое ядрышко разрушит этот чудный домик до основания. Ещё пяти вполне хватит, чтобы целиком и полностью сравнять типографию «Свет знаний» с землёй. В Тассунаре отродясь ничего подобного не было. Вот она та самая «открывалка», которая разорвёт в клочья блаженную самоизоляцию Тассунарской империи.

Глава 3. Чёрные корабли

– Скажите, адмирал, – утус Овир Мунгел, корреспондент газеты «Ежедневный телеграф», с удивлением завертел головой, – где же большие лодки так называемых местных таможенников? Вы обещали, что их будет целая куча. Однако, – утус Мунгел вытянул тощую руку, – я не вижу ни одной.

Адмирал Кеяк повернул голову в указанном направлении, наёмный писака прав. Слева по борту вот уже второй день тянется берег Тассунары, самого крупного острова Тассунарского архипелага и Тассунарской империи. Впереди по курсу показался вход в Нандинский залив. Однако море перед эскадрой как будто вымерло. Не видно даже рыбаков.

– Признаться, – адмирал Кеяк подхватил с маленького круглого столика бокал с красным вином, – я и сам не понимаю, в чём дело. В прошлый раз, когда мы подходили к Нандинскому заливу, джонок Морской стражи высыпало видимо-невидимо. Они лезли наперерез нашим фрегатам. А одна из них в прямом смысле залезла под форштевень «Морского орла».

– И что же произошло? – утус Мунгел аж подался вперёд, рукав зелёного сюртука газетчика едва не залез в тарелку с солониной.

– То, что и должно было произойти: – адмирал Кеяк самодовольно улыбнулся, – «Морской орёл» разрезал жалкую скорлупку аборигенов на две ровные половинки.

– Страсти вы рассказываете, – газетчик откинулся на спинку стула. – Разве такое возможно?

– Уважаемый, – лениво протянул адмирал Кеяк, – в Рунтане на Бажной улице вы можете лично заглянуть в судовой журнал «Морского орла» за 5739 год. Я лично, собственной рукой, зафиксировал этот случай.

– Ну да, наверное, – корреспондент «Ежедневного телеграфа» замолк в нерешительности.

В Рунтане на Бажной улице находится Военно-морское министерство Стирии. В архиве, в подвале внушительного четырёхэтажного здания, хранятся судовые журналы всех боевых кораблей ВМС Стирии. Естественно, если только они не ушли на дно вместе с самими кораблями. Наёмный писака прекрасно знает об этом, только поленился навестить Военно-морское министерство и собрать побольше материалов о первой попытке «открыть» Тассунару двенадцать лет тому назад.

Хорошо быть адмиралом, Лудан Кеяк с наслаждением вытянул ноги под круглым столиком. На нём, как на адмирале, лежит только общее руководство экспедицией. Ну, конечно же, когда начнутся переговоры с упрямыми аборигенами, то работы будет много. А пока можно смело наслаждаться приятным ничегонеделаньем на носу «Чёрного лебедя», самого современного фрегата военно-морского флота Стирии.

Утус Овир Мунгел, корреспондент «Ежедневного телеграфа», приятный собеседник и прекрасный компаньон в покер. Жаль, правда, ни черта не понимает в военно-морском деле. Да от него и не требуется разбираться в калибрах орудий и в разновидностях якорей. Главное, чтобы наёмный писака увековечил имя того, кто первым заставит упёртых тассунарцев открыть свои проклятые острова для торговли с внешним миром.

Словно в отпуске, в очень длинном морском круизе. Краса и гордость ВМС Стирии фрегат «Чёрный лебедь» легко и свободно скользит по глади моря Окмара. Ветер попутный, однако паруса свёрнуты все до единого. Адмирал Кеяк повернул голову. В центре корабля гудит, пыхтит и исходит паром могучая машина. Огромные лопасти гребных колёс с громким плеском ныряют зелёную воду.

Хотя… утус Мунгел прав, адмирал Кеяк забросил в рот квадратный кусочек солонины. Все эти годы в глубине души жила надежда, что аборигены хорошо выучат урок и на этот раз более рьяно, с настоящими пушками и ядрами, попытаются помешать войти в Нандинский залив, в сердце Тассунарской империи.

Чёрный столб дыма перестал тянуться следом за «Чёрным лебедем», а устремился прямо в небо. Без каких бы то ни было проблем фрегат вошёл в Нандинский залив и остановился почти на том же самом месте напротив порта, что и в прошлый раз. Остальные фрегаты встали на якоря рядом.

– Трубу, – адмирал Кеяк выбросил в сторону правую руку, личный лакей тут же вложил в неё подзорную трубу.

За двенадцать лет столица аборигенов ничуть не изменилась. Огромный город раскинулся на левом берегу медленной реки. Часть кварталов залезла на гору, другая часть выползла на берег залива. Справа красными крышами выделяется район богатых горожан. Как их там, адмирал Кеяк подкрутил резкость, даймне? А! Даймё. Ещё правее на высоком холме возвышается дворец

местного императора. Точнее, самая настоящая крепость с башнями и зубчатым парапетом на высоких стенах.

Нандин город огромный, но низенький. Двухэтажные здания можно пересчитать по пальцам. Или они просто кажутся двухэтажными, а на деле просто высокие? Единственное исключение – дворец императора. Хотя… вряд ли даже в личных покоях местного правителя найдётся второй этаж.

Странно? Адмирал Кеяк озадаченно хмыкнул. На прямых, словно натянутые верёвки, улицах творится нечто странное. Вместо привычной толкотни большого города большая часть улиц на удивление пуста. Двери заперты, ставни задвинуты. Не видно даже наглых торговцев вразнос. Зато на некоторых центральных улицах аборигенов слишком много.

Адмирал Кеяк навёл резкость. Во дают! На крыше большого дома плохо одетые местные жители орудуют… ломами? Ремонтируют черепицу? Разбирают? Ломают? Адмирал Кеяк удивлённо вытянул брови. Да-да, именно бьют керамические черепицы. Вниз по скату вместо капель дождя сыплются колотые осколки. В другом месте, адмирал Кеяк сдвинул подзорную трубу, сразу четверо тощих аборигенов в грязных бабских тряпках разносят к чёртовой матери раздвижные ставни и выламывают дверь. Из широкого проёма в стене прямо на улицу вылетел квадратный ящик. В воздухе широкими прямоугольными снежинками закружились бумажные листы.

– Адмирал, гляньте сюда.

Адмирал Кеяк опустил подзорную трубу. Утус Мунгел не теряет времени даром и тоже рассматривает город через серую подзорную трубу. На лице корреспондента светится самая настоящая радость прожжённого газетчика, который наткнулся на жареный скандал. Несомненно, если бы нечто подобное произошло на улицах Рунтана, столицы Стирии, то утус Мунгел в самых трагических выражениях поведал бы читателям «Ежедневного телеграфа» о бесчинствах бушующей толпы.

– Вон! Левее. Почти на берегу, – утус Мунгел ткнул указательным пальцем в сторону порта.

Адмирал Кеяк направил подзорную трубу в указанном направлении. Во дают! В порту, точнее рядом с ним, грязные аборигены самым бесстыжим образом грабят длинные пакгаузы. Широкие ворота большей части из них распахнуты настежь, часть створок выдрана из стен с «мясом». Тассунарцы с упоением и с нервной торопливостью тащат наружу мешки, короба, бочкообразные тюки из соломы. Вот один абориген ненароком зацепился за сломанный косяк. Соломенный тюк в его руках треснул, наружу пролитой водой просыпалось коричневое зерно. А-а-а! Адмирал Кеяк машинально кивнул. Неочищенный рис в твёрдой оболочке. И при этом при всём видимом безобразии на улицах не видно ни одного полицейского или хоть кого-нибудь, кого можно принять за представителя власти.

Кстати, о властях. Адмирал Кеяк сдвинул подзорную трубу вправо. Дворец местного императора готов к обороне. Ворота наглухо закрыты, на стенах в квадратных бойницах мелькают рогатые шлемы. Хотя в этот час ворота должны быть открыты. Дворец местного императора не просто место жительства правителя Тассунары, а большой административный комплекс. За высокими крепостными стенами живёт и работает масса чиновников. Им всем нужна еда, вода, бумага, чернила, палочки для письма и ещё масса вещей. Но даже с противоположной стороны дворца ворота также наглухо запечатаны. Любой, кто только рискнёт показаться под стенами резиденции местного правителя, непременно поймает стрелу в лоб.

– Что? Что это такое, адмирал? – утус Мунгел опустил подзорную трубу. – Неужели аборигены окончательно сошли с ума?

Газетчик либо притворяется, либо и в самом деле ни хрена не понимает.

– Это, уважаемый, – адмирал Кеяк с щелчком сложил подзорную трубу, – бунт. Чернь взбунтовалась, грабит склады и магазины. Вполне обычное явление. Ну разве что с местной спецификой.

– Смею спросить, с какой же? – лицо утуса Мунгела вытянулось от любопытства.

– Ну, уважаемый, – адмирал Кеяк усмехнулся, – гляньте внимательней: ни одного факела, фонаря или хотя бы свечки. Понимаю, в это трудно поверить, однако дома тассунарцев и в самом деле сделаны из деревянных рам и тонкой бумаги. Малейшая искра, и половина города тут же обратится в пепел. Если хотя бы один бунтовщик начнёт махать факелом, то благоразумные горожане тут же выскочат на улицу с дубинками и сами, вместо властей, подавят бунт. А так чернь почти безнаказанно грабит имущество местных богачей.

Лицо утуса Мунгела вытянулось ещё больше. С таким же успехом ему можно рассказать, будто на самом деле сажа белая, а вода сухая.

– А как же право частной собственности? – утус Мунгел всплеснул руками.

Эх! Далёкая родина. Адмирал Кеяк благожелательно улыбнулся в ответ. Каждый без исключения стириец свято верит в неприкосновенность частной собственности. Утус Мунгел не исключение.

– Видите ли, уважаемый, – протянул адмирал Кеяк, – единственный частный собственник, чьи права в Тассунаре уважают беспрекословно, это сам император Тассунары. А так местные власти не особо церемонятся с частной собственностью простых граждан. Если понадобится, если потребуется, любой самурай легко и свободно ограбит любого простолюдина, будь то старый горшечник или богатый купец. Ну а если власти не считаются со святым правом частной собственности, что чего уж ожидать от дремучего быдла?

Другие понятия о морали, законе и праве упорно не хотят укладываться в голове утуса Мунгела. От умственного напряжения из ушей газетчика едва не валит пар. Самому адмиралу Кеяку вот уже второй десяток лет приходится плавать в дальних морях. В лучшем случае раз в пять лет выпадает возможность провести месяц-другой на родных берегах. Времени и возможностей познакомиться с чужими народами, с чужими представлениями о морали, законе и праве у него было хоть отбавляй.

– Да-а-а… – заумно протянул утус Мунгел. – Тассунарцы и в самом деле самые настоящие дикари, раз даже в их столице нет нормальной полиции. Наверно, мы приплыли не совсем вовремя.

– Да, вы правы, – адмирал Кеяк прикрыл рот ладошкой, от святой наивности газетчика так и тянет заржать во всё горло. – Зато я знаю отличный способ привлечь внимание аборигенов.

Командор Игиз Соргер, капитан фрегата, остановил «Чёрного лебедя» напротив порта. Остальные корабли вытянулись в линию за кормой флагмана. Эскадра заняла наиболее выгодную позицию для артиллерийской стрельбы.

– Командор, – адмирал Кеяк повернулся к капитану, – постреляйте холостыми. И передайте мой приказ остальным фрегатам открыть огонь холостыми снарядами.

– Будет исполнено, – командор Соргер, бойкий морской офицер тридцати с лишним лет, ловко козырнул в ответ.

Не прошло и пяти минут, как по левому борту «Чёрного лебедя» загрохотали все четырнадцать пушек. Вскоре к ним присоединились собратья с «Морского орла», «Ворона» и «Беркута». Грохот в сто крат сильнее самого сильного грома разлетелся по Нандинскому заливу и отразился от горы за городом. На маленьком круглом столике тарелки и бокалы дружно запрыгали на месте.

– Неужели мы сейчас разрушим столицу Тассунары? – в перерыве между залпами спросил утус Мунгел.

Как самая настоящая сухопутная крыса, корреспондент «Ежедневного телеграфа» испугался пушечного грохота до колик в животе.

– Что вы! Уважаемый! – притворно воскликнул адмирал Кеяк. – По моему приказу только холостые заряды. Пока…

Последнее слово потонуло в грохоте залпа. «Чёрный лебедь» слегка качнулся на правый борт.

***

Рабочая обстановка, благоговейная тишина, скрип палочек для письма по листам рисовой бумаги. Сама обстановка, пол, стены и даже потолок рабочей комнаты великого советника императора пропитаны величием и старанием. Уж сколько поколений самых главных помощников великих правителей империи работало в этих стенах.

Буншан Изоб, великий советник Тогеша Лингау, десятого императора Тассунары, сидит на небольшом возвышении перед низеньким рабочим столиком. На столешнице идеальный порядок. Как любит повторять Буншан Изоб, порядок на столе – порядок в голове. Каменный письменный прибор сияет отполированным блеском. Палочки для письма радуют глаза золотой чистотой. По левую руку лежит пачка чистых листов и соробан. Там же стопка входящих документов. По правую руку ещё более высокая стопка уже прочитанных и отмеченных. Катана, длинный меч мирной пары, покоится рядом на деревянной подставке. Вакадзаси, малый меч, заткнут за пояс.

В комнате великого советника свежо и светло. Великолепная Гепола заглядывает во внутрь через распахнутые окна. Вдоль стен прямо на полу перед точно такими же низенькими столиками сидят четверо помощников. Первый помощник Зафар Ринган сидит ближе всех по правую руку. Причём он не просто первый помощник, а дальний родственник из захудалого рода Ринган и доверенное лицо.

Отработанным до автоматизма движением Буншан Изоб развернул очередное послание. Петиция от торговцев рисом Нандина. Ну да, Буншан Изоб криво усмехнулся, чего и следовало ожидать: торговцы в самых вежливых оборотах и самым унизительным образом умоляют великого советника императора навести в столице порядок. «Дабы на улицах и площадях самого великого города империи вновь воцарились тишина и закон» – привычная фраза, которой заканчивается каждое второе обращение торговцев и менял Нандина.

Сами виноваты, Буншан Изоб отложил петицию на правую сторону стола. Взвинтили цены на рис до заоблачных высот и заставили чернь голодать. Жадность наказуема. Торговцы рисом очень хотели заработать побольше денег, а вместо этого понесут побольше убытков. Злорадная улыбка растянула губы. Да ещё и страху натерпятся, паразиты трусливые.

Бунт, конечно, скоро будет подавлен. Пусть сперва простолюдины и оборванцы выпустят пар, запасутся ворованным рисом и упьются вдрызг ворованным сакэ. Ну а после ёрики и досины без труда разгонят чернь по их жалким лачугам и норам. Конечно, особо рьяным публично отрубят головы на Овальной площади. В общем, обычное дело. На петицию торговцев рисом можно не обращать внимания.

Так, что там дальше? Буншан Изоб взял следующий лист. Донесение Мояна Гимрада, даймё домена Футугат. Это, Буншан Изоб скосил глаза вверх, кажется, в юго-восточной части Тассунары. Далековато от столицы будет. Глаза быстро пробежали по ровным аккуратным строчкам. И там бунтуют.

Моян Гимрад с прискорбием сообщает, что крестьяне нескольких деревень взбунтовались. Причина всё та же – чрезмерные поборы со стороны сборщиков

налогов. Иначе говоря, опять вытащили из амбаров крестьян последние коку риса. Бунт подавлен. Сотня, или около того, крестьян убита, остальные успели разбежаться. Виновник бунта приговорён к сэппуку. Буншан Изоб недовольно нахмурился. Опять какой-нибудь нищий самурай подбил дремучих простолюдинов на недовольство.

Далее Моян Гимрад с сожалением и мастерством Тиса Вуяна, великого трагика Тассунары, сообщает о том, что домен Футугат не может заплатить налоги в требуемом объёме. В результате бунта нанесён ущерб стоимостью ровно 131 коку риса.

Раздражение и недовольство прорвались наружу сквозь плотно сжатые губы глухим рычанием. Буншан Изоб скривился от отвращения. Опять крестьяне бунтуют, опять налоговые недоимки. Домен Футугат и так задолжал казне больше пяти сотен коку риса. Из двухсот четырёх доменов Тассунары только у Кирдана и Янаха нет проблем с наполнением казны. Ещё четыре худо-бедно держатся на плаву и умудряются сводить расходы с доходами. Остальные… Буншан Изоб мысленно махнул рукой от бессилия. Остальные всё больше и больше, всё глубже и глубже залезают в долги к ростовщикам и менялам.

Да чего уж там! Буншан Изоб положил донесение даймё на стопку прочитанных бумаг, ему самому от имени императора время от времени приходится брать в долг у Навила Сейшила и других менял Нандина. Так больше продолжаться не может.

Вежливый, но по-своему настойчивый стук в дверь прервал череду чёрных мыслей.

– Кто там? – Буншан Изоб уставился на раздвижную дверь, раздражение выскочило из груди грубым вопросом.

С тихим шелестом дверь отошла в сторону. В рабочую комнату вошёл Блар Тошран. Самый младший помощник согнулся в три погибели и едва не скребёт лбом пол. Про таких говорят «мальчик на побегушках». Да и возраст вполне подходящий, всего двадцать шесть лет. Накидка без рукавов на его плечах когда-то была насыщенного чёрного цвета, однако за давностью лет поблекла и потускнела. Широкие штаны с глубокими разрезами по бокам сшиты не из шёлка, а из более дешёвого хлопка. И это самурай, который лично служит великому советнику, второму человеку в Тассунарской империи после самого императора.

– Плохие новости, витус, – Блар Тошран торопливо опустился на колени и низко поклонился.

– Что? – недовольно выдохнул Буншан Изоб. – Бунтовщики не ограничились рисовыми складами и взялись за огонь?

– Хуже, – от усердия Блар Тошран стукнулся лбом о пол. – В Нандинский залив вошли огромные чёрные лодки иноземцев.

Свершилось! Буншан Изоб машинально подался всем телом назад. Лопатки упёрлись в стену. На голову словно выплеснули бочонок студёной воды. Дыхание застопорилось, а сердце остановилось.

Вот что это был за грохот, Буншан Изоб покосился на распахнутые окна. До того хотелось верить, будто на улице самый обычный осенний гром, что даже мысли не возникло, а с чего это греметь посреди ясного неба? Уж лучше бы это была и в самом деле нежданная гроза или даже тайфун.

Все, все, все эти годы проклятые иноземцы дамокловым мечом висели над его головой. Когда шесть лет тому назад уважаемый Меар Ризан, прежний великий советник императора, ушёл на покой, дворцовые чиновники целый месяц шептались за спиной Буншана Изоба. Всех без исключения интересовал один и тот же вопрос: как поведёт себя новый великий советник, если, не приведи Великий Создатель, проклятые иноземцы вернутся. Стыдно, стыдно признавать: все эти годы он очень, очень, очень надеялся и тайком молил Великого

Создателя, чтобы этого не случилось, никогда. По крайней мере, пока он занимает рабочую комнату великого советника.

Буншан Изоб тряхнул головой, грустные мысли слегка отпустили. Новость о визите иноземцев шокировала не только его. Все четверо помощников сложили палочки для письма и уставились на него. У двоих в глазах сверкает интерес, у одного страх. Лишь лоб Зафара Рингана, первого помощника, покрылся морщинами от глубокой задумчивости.

– Знает ли о прибытие иноземцев император? – Буншан Изоб поднял глаза на младшего помощника.

– Да, витус, – на этот раз Блар Тошран не стал биться лбом о доски пола. – Его императорскому величеству о прибытие иноземцев лично доложил Теод Агаян, начальник стражи императорского дворца. В данный момент его императорское Величество находится на вершине Дозорной башни.

Как и положено подчинённому, младший помощник заранее ответил сразу на два вопроса. Буншан Изоб тут же поднялся с места. Колени скользнули по краю столешницы, рабочий столик сдвинулся вперёд. Но на половине пути до раздвижной двери Буншан Изоб вернулся и подхватил с подставки катану. Волнение и растерянность так охватили его, что он едва-едва не забыл самый главный атрибут самурая.

На вершине Дозорной башни, самой высокой во всём дворце, свежий ветер с залива неприятно продувает насквозь. Холодные языки залезают под нательное кимоно и раздувают широкие штанины. Буншан Изоб поправил накидку без рукавов.

С Дозорной башни открывается великолепный вид на Нандин, широкую гладь залива и Огаялский отрог, у подножья которого расположилась столица империи. Его императорское величество Тогеш Лингау уже здесь. Неизвестно, за каким именно занятием его застала дурная весть. На вершину Дозорной башни император поднялся в простом шёлковом кимоно с большим ярко-жёлтым драконом на спине. Как и полагается, два меча заткнуты за шёлковый пояс. Рядом с императором стальной горой несокрушимой мощи и мышц возвышается Теод Агаян, начальник императорской стражи. На его светло-сером кимоно вышиты чёрные щиты и стрелы.

Его императорское величество Тогеш Лингау изволит стоять возле зубчатого парапета и разглядывать в огромную подзорную трубу воды залива. Да-а-а, Буншан Изоб подошёл ближе, в Тассунаре подобных труб не делают. Эта, не иначе, куплена у фатрийских купцов.

Буншан Изоб глянул через край кирпичного парапета. На водной глади Нандинского залива чёрными уродливыми поленьями вытянулись в линию аж четыре корабля иноземцев. Боже! Какие они огромные!

Из-за большого расстояния корабли иноземцев кажутся маленькими, даже крошечными. Словно специально доказывая, что это не так, рядом на воде качается двухмачтовая джонка Морской стражи. Самое крупное судно Тассунары по сравнению с иноземным подобно прибитой лохматой собачке с тощими боками рядом с упитанным холёным бычком. Корабль, что ближе всего к дворцу императора, пугает больше всего.

Это… Это… Буншан Изоб напряг глаза. Это не просто парусник, а-а-а… В голове с трудом защёлкали колёсики, нужное слово едва-едва всплыло на поверхность сознания. Пароход. Да, точно – пароход. Густой чёрный столб дыма поднимается из короткой толстой трубы в центре корабля иноземцев. По бокам через борта свешиваются два больших гребных колеса. Даже без подзорной трубы корабли иноземцев производят удручающее впечатление.

Тогеш Лингау молча и сосредоточенно водит подзорной трубой. Корабли иноземцев со свёрнутыми парусами не на шутку заинтереосовали императора.

Буншан Изоб замер в почтительной неподвижности рядом. Придётся ждать, пока его императорское Величество насладится видом иноземцев.

– Я так надеялся, что они никогда больше не явятся в мою страну, – император опустил подзорную трубу.

Затаённая надежда императора невольно вырвалась наружу.

– Видать, не судьба, – император не глядя протянул подзорную трубу, слуга в простом шёлковом кимоно тут же подхватил её.

– Какие будут приказания, Ваше Величество? – Буншан Изоб плавно поклонился.

Под вежливым ожиданием приказа замаскирован очень трудный вопрос – что будем делать?

– Пусть проклятые иноземцы подождут, – Тогеш Лингау кивнул в сторону залива. – В Нандине бунт, чернь недовольна. Хоть какая-то от неё польза.

– Это не так, Ваше Величество.

Голос Теода Агаяна подобен камням, что скатываются с высокой вершины, гремят и ломаются друг о друга. Император повернулся к начальнику стражи.

– Гром пушек проклятых иноземцев напугал простолюдинов, – начальник стражи махнул рукой в сторону города. – Грабежи прекратились. Некоторые бунтовщики разбежались по домам, но большая их часть направилась в порт глазеть на корабли иноземцев. Туда же постепенно подтягиваются и прочие горожане.

– На простолюдинов ну ни в чём нельзя положиться, – император тихо вздохнул.

Это точно, Буншан Изоб и сам тихо вздохнул. Была надежда, что голодный бунт в Нандине поможет выиграть денёк-другой. Только грохот пушек, язык силы, в переводе не нуждается.

– Ваше величество, – Буншан Изоб машинально поклонился, – позвольте дать вам совет.

– Это ваша прямая обязанность, великий советник, – император усмехнулся в ответ.

– Я предлагаю отправить к иноземцам смотрителя порта с переводчиком. Пусть он прикажет им убраться вон.

Последняя затаённая фраза «Вдруг сработает» едва не сорвалась с губ.

– Отправить можно. Я даже приказываю отправить, только это не сработает, – император вольно или невольно дал ответ на непроизнесённую фразу. – Если тогда, двенадцать лет тому назад, иноземцы убрались вон, то сегодня они проигнорируют наше требование самым наглым образом. Недаром, – Тогеш Лингау махнул рукой в сторону залива, – они явились не на двух, а сразу на четырёх кораблях. На четырёх больших чёрных кораблях, – тихо добавил император.

Нам остаётся только одно, – Тогеш Лингау распрямил спину и расправил плечи, – тянуть время и собирать самураев. Приказываю, – в голосе императора прорезался металл, – разослать гонцов всем самураям, которые только живут в двух днях пути от Нандина, явиться в полном вооружении как можно быстрее.

– Будет исполнено, Ваше Величество, – Буншан Изоб низко поклонился.

Император развернулся и неторопливо покинул вершину Дозорной башни. На самой высокой наблюдательной площадке императорского дворца ветрено и довольно прохладно. Однако Буншан Изоб поёжился, от приказа Тогеша Лингау его прошиб горячий пот. Час расплаты настал. Тогда, двенадцать лет назад, иноземцев удалось благополучно выпроводить вон. Но сегодня их уже не получится запугать грозными демоническими масками и красными, словно кровь, доспехами предков.

Буншан Изоб снова бросил взгляд на гладь Нандинского залива. Тогда, двенадцать лет назад, он был среди тех самураев, что стояли вокруг Меара Ризана, прежнего великого советника, которому выпала сомнительная честь вести переговоры с главарём иноземцев. Они стояли, бряцали мечами и грозно покачивались из стороны в сторону. Однако иноземец в чудной синей рубахе из плотной ткани с большими блестящими пуговицами лишь лениво глянул на лучших воинов империи, словно перед ним толпа ряженых комедиантов в бумажных доспехах. Буншан Изоб склонил голову. Гнев и раздражение до сих пор клокочут в душе за тот давний позор. Тогда ему с превеликим трудом удалось сдержать собственный гнев в узде, чтобы не выхватить тати, длинный боевой меч, и не разрубить наглеца одним махом на две ровные половинки.

Скрип деревянной лестницы под ногами императора стих. Следом за правителем вершину Дозорной башни покинул Теод Агаян, начальник стражи.

– Дай сюда, – Буншан Изоб грубо вырвал из рук слуги подзорную трубу и поднёс бронзовый окуляр к правому глазу.

Через иноземную подзорную трубу чёрные корабли словно на ладони. Боже, как же они сильны. На палубах то тут, то там торчат матросы в синих рубахах и белых штанах. У каждого за спиной болтается, нет, не благородное копьё. Даже с вершины Дозорной башни видно, что иноземные моряки вооружены мушкетами. Каждый. И на каждом ни малейшего намёка на кирасу, шлем или хотя бы поручни. Даже командиры иноземных моряков, более спокойные и солидные фигурки на фоне нервных рядовых, обходятся без нательной брони.

У трёх чёрных кораблей на каждом борту по двадцать пушек. В чёрных квадратах орудийных портов проглядывают еще более чёрные дула чудовищных пушек. Вот что пугает больше всего. Во всех укреплениях вокруг Нандина пороховых пушек раза в два-три меньше. Не говоря уже об их размерах.

Глаза бы не видели! Раздражение кольнуло в голову. Пальцы мёртвой хваткой вцепились в бронзу подзорной трубы. Буншан Изоб торопливо сунул её в руки слуги. Ещё только не хватало в приступе гнева сбросить с вершины Дозорной башни ценное имущество императора.

Обида раскалённым железным кольцом стиснула виски. Тогда, двенадцать лет назад, никто, никто, абсолютно никто, включая самого императора Тогеша Лингау, не принял никаких, вообще никаких, мер. Едва парус последнего чёрного корабля растаял в дымке на горизонте, Тассунара вновь погрузилась в приятную дремоту и расслабленность блаженной самоизоляции. Шумиха вокруг визита иноземцев через пару лет благополучно сошла на нет. Круговорот жизни вернулся в привычную колею. Крестьяне всё так же выращивали рис и бунтовали, самураи всё так же беднели, вешали мечи предков на стены и брали в руки молотки ремесленников. Пушки в укреплениях вокруг Нандина благополучно переехали обратно в подвалы и кладовки, где вновь принялись благополучно покрываться ржавчиной и патиной. Даже запасы пороха, что по приказу великого советника Меара Ризана были скуплены в дикой спешке, дабы не пропали даром, пустили на фейерверки. Новых запасов, экономии ради, делать не стали.

Каждый, каждый самурай, начиная с самого бедного и захудалого с острова Небос, самого южного острова Тассунарского архипелага, и до самого Тогеша Лингау, императора Тассунары, прекрасно, прекрасно понимали – иноземцы вернутся. И… Буншан Изоб плотнее сжал кулаки, горькие слёзы обиды едва не брызнули из глаз. И каждый самурай в глубине души очень, очень надеялся, что ему лично разбираться с проклятыми иноземцами не придётся, что его лично минует чаша сия. Не миновала. Посреди Нандинского залива вновь возвышаются чёрные громады чужих кораблей.

Когда шесть лет назад Меар Ризан ушёл на покой, вокруг свободной рабочей комнаты великого советника разверзлась пустота. Обычно за должность второго лица в империи разворачивается нешуточная драка на вылет, но только не на этот раз. Скорее, наоборот.

Через день наиболее вероятный претендент на рабочую комнату великого советника ушёл на покой. Вечером следом убежал второй по очереди наиболее вероятный претендент. Иначе говоря, два самурая высокого ранга удрали в тишину и покой наследственных уделов от греха подальше. Ещё двое сердечно поблагодарили императора за оказанное доверие, но так и не нашли в себе сил занять столь важную и ответственную должность. И вот теперь это не кажется крутым, Буншан Изоб криво улыбнулся. Он потому и стал новым великим советником, что не испугался возвращения проклятых иноземцев. Точнее, больше прочих претендентов понадеялся, что этого никогда не произойдёт.

Теперь именно ему предстоит держать ответ за упущенные годы полного бездействия. За то, что огромная и великая страна вновь впала в блаженную дремоту самоизоляции и ничего, абсолютно ничего, не сделала для подготовки и защиты. Проклятые иноземцы вернулись.

Глава 4. Берег закрытой страны

– Адмирал, а вы уверены? Так ли действительно необходимо высаживаться на берег и рисковать собственной жизнью? – от утуса Мунгела, корреспондента «Ежедневного телеграфа» веет страхом и неуверенностью.

– Уверен, – сказал как отрезал адмирал Кеяк. – Аборигены решили прибегнуть к своей излюбленной тактике тянуть кота за хвост. Хватит ждать, – адмирал Кеяк ударил кулаком по фальшборту «Чёрного лебедя». – Пора доходчиво объяснить трусливым аборигенам, что на этот раз их маскарад с красными доспехами, мечами и злобными масками не прокатит.

Матросы «Чёрного лебедя» споро спустили на воду шлюпку. Первый гребец ловко и быстро соскользнул в неё по верёвочному трапу. Следом через фальшборт перелез второй.

– Если желаете остаться в анналах истории, – адмирал Кеяк повернулся к газетчику, – то в шлюпке найдётся место и для вас.

Лицо утуса Мунгела пошло белыми пятнами. Газетчик, конечно, не против остаться в анналах истории, только очень и очень боится. Страх большими мутными бусинами выступает у него на лбу. С непривычки грозный вид местных дворян в полном боевом облачении напугает даже слепого.

Как и двенадцать лет назад, когда эскадра фрегатов встала на внутреннем рейде напротив порта, к борту «Чёрного лебедя» пугливо приблизилась всего одна джонка. Это надо было видеть! На корме большой лодки с двумя мачтами встречать их, точнее, выпроваживать, явился тот же самый самурай, смотритель порта. За минувшие годы местный дворянин постарел, обрюзг и раздался вширь. Если раньше его короткие ручонки висели вдоль тела, то теперь самурай сложил их на выпуклом животике.

Едва местный дворянин поднял глаза на борт «Чёрного лебедя», как спесь и презрение мигом слетели с его холёного личика. Несомненно, он сразу узнал того, кто двенадцать лет назад также смотрел на него сверху вниз и только смеялся над его грозными словами и длинным мечом.

Смотритель порта не успел захлопнуть рот от удивления, как адмирал Кеяк перегнулся через фальшборт и крикнул ему, чтобы тот не вздумал парить мозги сказками о законе предков и благодарных потомках. И если тому больше нечего сказать, то пусть убирается ко всем морским чертям.

Однако упрямый чиновник всё же попытался спеть старую песню о предках, законе и благодарных потомках. Тогда адмирал Кеяк демонстративно сплюнул и отошёл от фальшборта. Местный дворянин ещё долго там что-то верещал на своём диком языке и колотил в борт «Чёрного лебедя». Но его весьма шумное выступление привлекло внимание всего лишь нескольких любопытных матросов, для которых бабский наряд чиновника и пара мечей за поясом оказались в диковинку.

Упорный смотритель порта орал и долбился в борт фрегата больше часа, после чего благополучно отчалил ко всем чертям. До самого вечера ни одна джонка так ни разу и не ткнулась в корпус «Чёрного лебедя».

Между тем бунт в Нандине пошёл на спад. Адмирал Кеяк ещё несколько раз поднимался на палубу и обозревал город через подзорную трубу. Грабежи прекратились, на улицах, наконец-то, появились местные дворяне с мечами. Как и в прошлый раз, на берег высыпало огромное количество народу. Аборигены густо облепили причалы и крыши прибрежных пакгаузов.

Несмотря на огромный интерес простых тассунарцев, власти империи решили хранить упорное молчание. На внутреннем рейде Нандина эскадра фрегатов простояла в гордом одиночестве ещё два дня, пока на четвёртые сутки у адмирала Кеяка не лопнуло терпение.

– А, а, а вы гарантируете мне безопасность? – промямлил газетчик.

– Конечно, уважаемый, – адмирал Кеяк захрипел от натуги, дикий хохот перегретым паром рвётся наружу. – Если что, местный дворянин быстро и совсем, совсем не больно снесёт вашу голову острым мечом. Но вы не беспокойтесь! Мы тут же отомстим за вас и сравняем этот сраный Нандин с зёмлей.

От столь серьёзного заявления утус Мунгел вылупил глаза и вцепился мёртвой хваткой в фальшборт. Перспектива погибнуть от меча местного дворянина не прельщает его. А мысль о том, что в отместку за его смерть огромный город превратится в груду развалин, его не радует. Но-о-о… До наёмного писаки наконец дошёл истинный смысл слов адмирала Кеяка.

– Хорошо, адмирал, – утус Мунгел сдавленно улыбнулся, – я с вами.

Газетчик неловко перелез через фальшборт и начал спускаться по верёвочному трапу. Если бы моряки в шлюпке в последний момент не подхватили бы его, то газетчик непременно шлёпнулся бы в воду.

Небольшая флотилия шлюпок с вооружёнными матросами отошла от фрегатов. На самих кораблях демонстративно открыли оружейные порты. Едва шлюпка с адмиралом Кеяком и газетчиком отошла от борта на сотню метров, как носовая пушка «Чёрного лебедя» дала залп. Грохот выстрела прокатился по воде, чёрное облако на миг окутало борт фрегата.

Отлично обученные моряки великолепно знают своё дело. Старшине Сарнаеву на руле совершенно не требуется подавать голос. Три пары вёсел одновременно и споро зачёрпывают воду Нандинского залива.

Адмирал Кеяк приказал направить шлюпки к тому самому месту на берегу, где двенадцать лет назад адмирал Ямор пытался убедить тассунарцев открыть свою страну для Большого мира. История повторяется, только на этот раз у неё будет другой финал. Адмирал Кеяк сжал кулаки. На этот раз карман его форменного кителя оттягивает письменное разрешение президента Технара открыть огонь на поражение, если тассунарцы начнут артачиться.

Аборигены на берегу забегали, засуетились, как ошпаренные тараканы. Местные дворяне в старинных доспехах лихо разогнали любопытных простолюдинов и, словно фаланга на поле боя, сомкнули строй плечом к плечу широким полукругом.

Нос шлюпки мягко ткнулся в жёлтый песок, адмирал Кеяк с ходу выпрыгнул на берег. Следом из шлюпки выбрался корреспондент «Ежедневного телеграфа».

Адмирал Кеяк обернулся. Крыса сухопутная. Если бы не пара рослых матросов, то утус Мунгел рухнул бы в морскую воду мордой вперёд. А так газетчик отделался мокрыми башмаками и подмоченными штанами.

Адмирал Кеяк оглянулся по сторонам. Такое впечатление, будто он на поле боя перед началом генерального сражения. Как и было приказано, четыре шлюпки остались на небольшом удалении от берега и стали на якоря. Матросы сложили вёсла и демонстративно взяли в руки ударные ружья. Один залп, и не меньше двух десятков местных дворян навсегда останется на этом берегу. Матросы в головной шлюпке, на которой адмирал Кеяк и газетчик добрались до берега, также убрали вёсла и подняли ударные ружья. А как же противник?

Цирк продолжается. Как и двенадцать лет назад местные дворяне вырядились в разноцветные дедовские доспехи и нацепили на лица страшные демонические маски. Ну, впрямь комедианты из бродячего театра. Хотя, адмирал Кеяк смело шагнул навстречу, у некоторых в руках самые настоящие ружья. Точнее… адмирал Кеяк невольно остановился, из горла сам по себе вырвался сдавленных хрип. Ну, вояки! Некоторые местные дворяне вооружились древними фитильными мушкетами. Это какой же музей они ограбили? При этом ни у кого в руках нет ни одного тлеющего фитиля. Как они вообще собираются стрелять?

Из строя выдвинулся особо грозный самурай маленького роста в красных доспехах. Не дойдя до адмирала Кеяка четырёх метров, местный дворянин громогласно заговорил, загрохотал, как пустая бутылка в пустой бочке. Страшная маска с выпученными глазами, усами и оскалёнными клыками мешает ему говорить. Через овальную дырку возле рта то и дело вылетают хлопья пены.

Переводчика по близости нет и не предвидится. Однако и так ясно, чего хочет и требует местный дворянин. Самурай вытащил из ножен длинный меч и выразительно ткнул им в сторону шлюпки.

– Уважаемый, – в шаге за спиной остановился утус Мунгел.

Пусть от шлюпки на берегу они прошли всего пять метров, однако газетчик дышит так, будто протащил на своём горбу тяжеленный мешок с камнями не меньше пяти километров.

– Уважаемый, – голос утуса Мунгела дрожит от страха, – может, вернёмся?

– Уважаемый, – адмирал Кеяк развернулся к наёмному писаке, – когда же вы, наконец, поймёте, что перед вами ряженые клоуны самого реалистичного в мире цирка.

– У него в руках меч, – сдавленно пискнул утус Мунгел.

– А у нас за спиной четыре фрегата военно-морского флота Стирии, – тихо прошипел адмирал Кеяк.

Гнев и раздражение на газетного писаку копятся в груди, как перегретый пар в котле со сломанным аварийным клапаном. Нужно было оставить эту сухопутную крысу на борту. Между тем самурай продолжает грозно бухтеть сквозь страшную маску и выразительно тыкать длинным мечом в сторону шлюпки.

– Что будем делать? – несколько более спокойно произнёс утус Мунгел, небольшое внушение пошло газетчику на пользу.

– Ждать, – отрезал адмирал Кеяк. – Перед нами мелкая сошка, груда мускулов с парой мечей. Разговаривать с ней не имеет никакого смысла.

– А он точно не полезет в драку? – утус Мунгел осмелел настолько, что даже встал рядом.

– Перед нами профессиональный солдат. Если мы первыми не полезем на него с кулаками, то и он не полезет на нас с мечом, – ответил адмирал Кеяк. – Почему, по-вашему, я оставил на «Чёрном лебеде» и шпагу, и пистолет?

Утус Мунгел в ответ пробурчал что-то невнятное.

– Чтобы не провоцировать эту груду мускулов с мечами, – закончил адмирал Кеяк.

Местный дворянин что-то гортанно крикнул и ловко убрал длинный меч. Стальное лезвие со скошенным остриём с тихим щелчком соскользнуло в чёрные ножны. Над морским берегом повисла тревожная тишина. Лишь слышно, как в небе надрываются чайки, а матросы в шлюпке демонстративно бряцают ударными ружьями. Язык силы понимают все. Пусть у рядовых нет ни дедовских доспехов, ни длинных мечей, однако самураи догадываются, на что способны современные ударные ружья в умелых руках.

Минута. Вторая. Третья. Низенький самурай стоит с гордым видом, руки в железных перчатках упёрты в бока. Даже корреспондент «Ежедневного телеграфа» наконец-то перестал трястись от страха и шмыгать носом.

Впереди наметилось оживление. Самураи дружно расступились в стороны. Вперёд на добром коне с позолоченной уздечкой выехал ещё один местный дворянин лет пятидесяти. Пара мечей, как и положено, торчит у него за поясом. Немолодой самурай спрыгнул на прибрежный песок, доспехов предков на нём нет, лишь местная одежда, так называемое кимоно светло-коричневого цвета, расписанное синими кружочками и колечками. Следом боком, боком через вооружённых дворян протиснулся абориген попроще в обычном сером кимоно. Адмирал Кеяк сощурил глаза. Ну точно, переводчик. Причём тот же самый, что был двенадцать лет назад.

Немолодой самурай шагнул навстречу. Представитель императора тяжело дышит, словно загнанная лошадь, и прямо рукавом дорого кимоно утирает со лба обильную испарину. Глухо и немного хрипло самурай заговорил. Переводчик тут же подхватил его слова:

– С какой целью, уважаемые, вы прибыли в Тассунарскую империю?

Понятно, адмирал Кеяк сдержанно улыбнулся: местный чиновник пытается включить дурака. Ещё одна не самая лучшая уловка потянуть время и потрепать нервы собеседнику. Только на этот раз подобный трюк не прокатит. Едва переводчик умолк, как адмирал Кеяк заговорил, загрохотал как корабёльная пушка в разгар морского сражения:

– Меня зовут адмирал Лудан Кеяк. Я прибыл с очень важной миссией передать письмо витуса Технара, президента великой Стирии, с предложением заключить между нашими народами договор о дружбе и торговле.

Едва переводчик пробурчал на тассунарском последнее слово, как адмирал Кеяк загрохотал вновь.

– Ради бога! Не нужно петь мне сказок о законе предков и благодарных потомках, которые должны подчиняться ветхому и безнадёжно устаревшему закону.

Чиновник захлопнул рот. Простолюдин немного растерялся, но быстро заговорил вновь. Едва он закончил, как адмирал Кеяк подошёл ближе и протянул, едва не ткнул в грудь чиновнику, два больших серых конверта.

– Вот это, – адмирал Кеяк стукнул пальцем по конверту с большой гербовой печатью, – личное послание президента Технара вашему императору. А вот это, – адмирал Кеяк показал на второй конверт, – письмо от меня лично. Пускай ваш император внимательно ознакомится с обоими посланиями. За ответом я вернусь завтра утром на это же место.

Местный чиновник никак не ожидал такого напора и такой наглости. Адмирал Кеяк сунул оба конверта ему за пояс и тут же повернулся к заместителю императора спиной.

Чиновник что-то там бурчит вслед, переводчик, как последний дурак, что-то там переводит. Плевать! Адмирал Кеяк с ходу запрыгнул в шлюпку. Корреспондент «Ежедневного телеграфа» опять едва не шлёпнулся мордой в морскую воду. Те же рослые матросы очень вовремя подхватили утуса Мунгела и втащили в шлюпку.

– Возвращаемся, – коротко бросил адмирал Кеяк.

Шлюпка отвалила от берега и быстро повернулась носом к фрегату. Матросы дружно налегли на вёсла.

– Адмирал, – утус Мунгел отряхнулся как кот, который только что вылез из лужи, – а не слишком ли резко вы разговаривали с великим советником? Как ни как, а он второе лицо в Тассунарской империи после самого императора. Вы же не дали ему и слова сказать.

– Не стоит миндальничать с аборигенами, – адмирал Кеяк добродушно улыбнулся. – Вежливые уговоры и протянутую руку дружбы они не поймут, только силу.

– Ну а вдруг великий советник обидится и объявит нам войну? – утус Мунгел пугливо оглянулся в сторону берега.

– Ещё лучше, – адмирал Кеяк глянул на наёмного писаку. – Тогда у меня появится законное право обратить этот долбанный Нандин в груду развалин.

– Но ведь перед нами целая империя! – эмоционально воскликнул утус Мунгел.

– А у нас за спиной вся Стирия.

Глава 5. Два послания

– За ответом чужеземец явится завтра утром на это же место.

Переводчик едва успел закончить последнюю фразу, как предводитель иноземцев самым грубым образом пихнул за пояс Буншана Изоба оба конверта и тут же развернулся на каблуках.

– Император Тогеш Лингау обязательно ознакомится с вашим посланием самым внимательным образом… – машинально произнёс Буншан Изоб.

Недалёкий переводчик-простолюдин тут же принялся лаять ответ на стирийском языке, только слушать его больше некому. Проклятый иноземец с ходу запрыгнул в лодку с гребцами и отвалил от берега.

Оцепенение и растерянность нехотя отпустили. Буншан Изоб глубоко задышал через нос. Злость и гнев разгораются в душе, словно огонь в плавильной печи. Наглое, за гранью приличия, поведение иноземца, словно мощные меха, раздувает ревущее пламя. Только поздно. Поздно выхватывать катану и рубить головы. Лодка с предводителем иноземцев отошла далеко от берега. Следом за ней к большим чёрным кораблям двинулись остальные лодки.

Спокойствие… Только спокойствие… Глубокий вдох… И ещё более глубокий выдох… «Если враг сбежал с поля боя, то не имеет смысла грозить ему вслед и размахивать тати». Строки из «Пути воина», словно магическое заклинание, помогли окончательно прийти в себя. Буншан Изоб вытащил из-за пояса оба серых конверта. На одном из них круглая сургучная печать ловко обмотана сине-белой ленточкой. По-своему даже красиво. Господи! Что за мысли.

За шесть лет в должности великого советника он привык, что все, все без исключения тассунарцы подчиняются ему беспрекословно. Буншан Изоб покосился на строй самураев в цветных доспехах предков. Единственный человек, который имеет над ним власть, это сам император Тогеш Лингау, небесный владыка. А сегодня, буквально только что, он, Буншан Изоб вновь недовольно засопел, пережил самое настоящее потрясение: ненавистный иноземец обошёлся с ним как строгий учитель с нерадивым учеником. Да за такое! Конверты в правой руке опасно изогнулись, от большой сургучной печати с треском отскочил маленький кусочек.

Да, внешне адмирал Кеяк учтив, почти вежлив. Однако внутри у него кипит и пенится желание подраться, вцепиться противнику в глотку и оторвать её вместе с головой. При этом иноземец дьявольски умён. На эту встречу адмирал Кеяк не

нацепил на пояс даже самый маленький кинжальчик. Если у противника нет при себе оружия, значит, он не собирается нападать.

Буншан Изоб энергично тряхнул головой, шейные позвонки отозвались болью. Зато с глаз спало колдовское наваждение. Буншан Изоб тупо уставился на конверты в правой руке. И что, спрашивается, с ними делать? По крайней мере, не стоит тупо стоять на месте с протянутой рукой и глазеть на них, как тощий бродяга на золотой кобан.

– Держи, – Буншан Изоб вручил конверты переводчику-простолюдину. – Откроешь, прочитаешь и переведёшь.

Буншан Изоб нетерпеливо щёлкнул пальцами, один из самураев тут же подвёл ему коня.

– Да, – Буншан Изоб намотал поводья на ладони и глянул на переводчика сверху вниз, – следуй за мной. На сегодня переговоры закончены.

Как же так получилось? Буншан Изоб ткнул пятками коня в бок. Какой-то час назад он вместе с императором Тогешем Лингау стоял на вершине Дозорной башни, когда вновь загрохотали пушки проклятых иноземцев. Император заметил первым, как от огромных кораблей отделились лодки. На фоне чёрных бортов синие рубахи моряков заметны очень хорошо.

Вот уж никогда бы не подумал, что Тогеш Лингау умеет бояться. Иначе никак не объяснить поспешный и путаный приказ немедленно отправиться в порт и любой ценой предотвратить кровопролитие. Иноземцы ждали два дня. Грохот пушек и большой десант могут означать только одно: предводитель иноземцев решил силой прорваться во дворец.

Буншан Изоб за полчаса добрался до порта. Словно он не великий советник, а самый обычный курьер. И ради чего, спрашивается? Чтобы этот самый адмирал Кеяк не дал и рта раскрыть? Чтобы проклятый иноземец пихнул пару писем за пояс? Горечь пережитого унижения океанской волной поднялась со дна желудка. И это на глазах нескольких сотен самураев.

Руки запылали жаром. Захотелось, так захотелось дёрнуть поводья и развернуть коня обратно в порт. Чтобы! Чтобы! Чтобы ещё глупее и ещё унизительней стоять на берегу и орать в сторону чёрных кораблей самые грязные и похабные ругательства? Буншан Изоб печально вздохнул. «Если враг сбежал с поля боя, то не имеет смысла грозить ему вслед и размахивать тати». Что бы мы делали без мудрости «Пути воина».

Какой позор! От стыда жар ударил в лицо, Буншан Изоб низко наклонился. Правая рука сама потянулась к вакадзаси, чтобы одним махом покончить с позором. Всё это время император оставался на вершине Дозорной башни и всё, всё, буквально всё видел собственными глазами через подзорную трубу.

– Витус, – Буншан Изоб с трудом распрямил спину, – от предводителя иноземцев я получил два письма. Одно из них от императора Стирии, второе от самого предводителя.

– Да, я видел, – император кивнул в ответ. – Где они?

– Я отдал их переводчику, чтобы он перевёл их как следует.

– Мудрое решение, уважаемый, – в голосе Тогеша Лингау ни малейшего намёка на недовольство или раздражение. – Я видел, как вас встретил предводитель иноземцев.

Буншан Изоб замер на месте. Внутренности покрылись изморозью. Господи, как же хочется выхватить вакадзаси, дабы больше не мучиться от позора.

– Великий советник, – продолжил император, – вы и в самом деле великий человек. Вы вели себя самым достойным образом. Несмотря ни на что, вы сумели сдержать гнев и не дать опозорить в вашем лице меня и Тассунару.

Буншан Изоб тихо выдохнул. Скромная похвала императора целительным бальзамом пролилась на израненную гордость.

– Я сделал всё, что было в моих силах, Ваше Величество, – Буншан Изоб низко поклонился.

– Через час соберите большой совет, – приказал Тогеш Лингау.

– Будет исполнено, Ваше Величество.

Через час с четвертью император Тогеш Лингау торжественно и достойно вошёл в зал большого совета, во второй по величине зал во Внутреннем дворце после тронного. Чёрные квадратные столбы подпирают высокую крышу. Через распахнутые люки великолепная Гепола освещает просторное помещение лучше всяких свечей и фонарей. Пол вдоль стен застелен чистыми татами.

Многочисленные придворные самураи в знак приветствия дружно подняли катаны чёрными рукоятками вверх. Обнажать меч в личных покоях императора категорически запрещено. Виновный будет немедленно приговорён к сэппуку. Тогеш Лингау, десятый император Тассунары, кивнул в ответ.

Специально для большого совета император надел простые чёрные штаны рядового самурая и хлопковое кимоно под накидку без рукавов с накрахмаленными плечами. Более чем прозрачный намёк подчинённым о важности предстоящего совета. Медленно и неторопливо император присел на небольшое возвышение у южной стены. Через специальный люк в потолке полуденная Гепола словно окутала его золотистым сиянием. Длинная катана в простых чёрных ножнах легла рядом по правую руку на белоснежный мат.

Следом за императором остальные придворные опустились на пол. Как и полагается великому советнику, Буншан Изоб присел на квадратный татами по правую руку от императора. С этого места отлично видны как придворные самураи, так и сам император.

– Можно начинать, – Тогеш Лингау махнул рукой.

На свободный пятачок перед императором тут же выскочил переводчик-простолюдин в чистом хлопковом кимоно и бухнулся на колени в низком поклоне.

– Послание императора Стирии, – переводчик развернул лист рисовой бумаги. – Приветствую вас, мой друг, уважаемый император великой Тассунарской империи, – переводчик немного на распев принялся читать послание. – Разрешите предложить вам руку дружбы.

Всё в тех же витиеватых и притворно вежливых выражениях император Стирии предлагает заключить договор о дружбе и взаимовыгодной торговле. Как и любой иноземец, витус Технар верещит о прогрессе, о радости общения и свободе торговли. В конце письма император Стирии разошёлся не на шутку в стремление убедить Тогеша Лингау и прочих тассунарцев в собственной искренности и открытости.

– Второе письмо от адмирала Кеяка, – переводчик развернул второй лист рисовой бумаги, – адмирала военно-морского флота Стирии и специального посланника императора Стирии.

«Уважаемый император Тассунары, – переводчик ткнулся носом в исписанный листок, – от имени моего императора предлагаю вам как можно быстрее и в кратчайший срок заключить договор о дружбе и торговле между нашими великими державами».

Письмо предводителя иноземцев отличается гораздо более прямолинейным и напористым характером. В вежливых словах и выражениях адмирала Кеяка сквозит плохо скрытая угроза. В конце письма предводитель иноземцев едва ли не открытым текстом заявил: либо Тассунара и Стирия будут дружить и торговать, либо враждовать и воевать. Третьего варианта не будет.

– Это всё, – переводчик низко поклонился.

Письма императора Стирии и адмирала Кеяка, а так же листы с их переводами простолюдин-переводчик положил перед Буншаном Изобом и поспешил удалиться. Придворные самураи прекрасно расслышали послание

императора Стирии. Хотя и так было ясно, что именно тот собирается предложить. Настало время для прений.

– Уважаемые члены Большого совета, – император обвёл самураев пристальным взглядом, – кто выступит первым?

Ну, конечно же. Кто же ещё? Буншан Изоб загнал обратно в грудь тяжкий вздох сожаления. Первым, с плохо скрытой поспешностью, рукояткой вверх поднял катану Блюл Пшенот, сёгун, военачальник личной армии императора.

– Я предлагаю дать иноземцам решительный отпор, – густым голосом проповедника загрохотал Блюл Пшенот. – Тем, кто забыл, я напомню: самурай всегда готов к войне. Война является целью жизни самурая. Каждый самурай всегда, в любой момент, в любом месте должен быть готов сложить голову за императора и Тассунару.

Многие, чересчур многие придворные самураи одобрительно зашумели. Буншан Изоб отвёл глаза. Едва сёгун умолк, как катану рукояткой вверх поднял Ивлат Ачиан, даймё домена Кирдан. Император кивнул в знак позволения.

– Дабы пресечь на корню пересуды и непонимание, – звонко, словно глашатай на площади, заговорил Ивлат Ачиан, – я заранее заявляю и напоминаю, что я целиком и полностью поддерживаю мудрые заветы наших предков. Я прекрасно понимаю и осознаю, какие блага приносит Тассунаре самоизоляция от внешнего мира. Благодаря заветам нашим мудрых предков наша великая страна защищена от дурных влияний извне. Но!

Последнее слово Ивлат Ачиан резко выкрикнул, словно долбанул кувалдой по пустой бочке из-под сакэ.

– Проклятые иноземцы не оставят нас в покое!

Недовольного гудения не последовало. Участники Большого совета сидят тихо и смотрят на Ивлата Ачиана кто с пониманием, кто с немым осуждением.

– Тем, кто забыл, я напомню: – голос даймё домена Кирдан зазвенел натянутой струной, – всего два года назад благородные гунсарцы на том берегу моря Окмара все как один поднялись против проклятых фатрийцев, которые заполонили страну ядовитым опиумом, разорили и довели до нищеты многих благородных. И чем всё это закончилось?

Вопрос риторический, Буншан Изоб понурил голову. Восстание гунсарцев ничем хорошим не закончилось. Гунсар утратил последние черты самостоятельности и окончательно превратился в презренную полуколонию Фатрии. Иноземцы свергли мудрого правителя, который восстал против опиума, и посадили на его трон свою марионетку.

– А теперь самое главное: в армии Гунсара было больше двух сотен тысяч отличных воинов, благородных, хорошо обученных и вооружённых. Армию фатрийцев нельзя было назвать армией. Так, всего двенадцать тысяч воинов. Зато! – даймё Ивлат Ачиан резко возвысил голос. – У фатрийцев было много больших кораблей с большими пушками! Гунсарцев разгромили наголову.

Простолюдин с палкой не сможет противостоять самураю с тати (боевым мечом). Если мы выступим против стирийцев, то самураями с тати будут именно они, а нам выпадет незавидная роль простолюдинов с палками. В случае войны у нас нет и быть не может никаких шансов.

Придворные самураи неодобрительно загудели. Наиболее буйные забрякали мечами о деревянный пол.

– Мы не гунсарцы! – Блюл Пшенот вскипел от гнева. – Мы сильны духом как никогда!

Недовольство придворных тут же сменилось одобрительным рёвом.

– Ни сильный дух, ни доспехи предков не защитят нас от пуль и ядер проклятых иноземцев! – выкрикнул Ивлат Ачиан. – Как бы ни было горько, как бы ни было унизительно, однако нам придётся подписать договор со стирийцами!

Последние слова даймё домена Кирдан потонули в рёве негодования и дробном стуке десятков катан о деревянный пол.

– Тихо, – произнёс император, шум в зале большого совета тут же смолк. – Витус Ачиан, вам есть, что ещё сказать?

За плечами императора не одна сотня весьма эмоциональных больших советов. Правитель Тассунары прекрасно знает, как справиться с придворными самураями, горячими и скорыми.

– Да, Ваше Величество, – Ивлат Ачиан низко поклонился императору.

– Продолжайте. МЫ! – Тогеш Лингау резко повысил голос, – внимательно слушаем вас.

Вмешательство императора восстановило тишину и порядок в зале для советов.

– Да, нам придётся подписать договор со стирийцами. Но мы не просто пустим их в Тассунару. Нет. Мы начнём как можно быстрее перенимать у проклятых иноземцев всё самое лучше, всё самое сильное. Со временем мы обязательно научимся строить такие же большие корабли, отливать такие же большие пушки и делать такие же меткие ружья, как у них. Тогда и только тогда мы сумеем вышвырнуть проклятых иноземцев вон из нашей страны. Тогда и только тогда Тассунара не падёт на колени под наркотическим дурманом и не разделит горькую судьбу Рюкуна и Гунсара.

Упоминание о незавидной судьбе Гунсара и, в особенности, Рюкуна, двух стран по другую сторону моря Окмара, немного охладило горячие головы. Пусть Тассунару хранит благословленная самоизоляция, однако дурные новости из Большого мира доходят до тех, у кого хватает смелости услышать их и мудрости понять их. Былой боевой настрой на лицах придворных самураев сменился на мучительную задумчивость.

Сёгун Блюл Пшенот, военачальник личной армии императора, выразил всеобщий настрой самураев. Однако Ивлат Ачиан, даймё домена Кирдан, вынес на яркий свет Геполы самый потаённый страх придворных. Однако, несмотря ни на что, большинство придворных готово ввязаться в бесполезную и смертельно опасную драку. Буншан Изоб поднял катану рукояткой вверх.

– Великий советник желает высказаться, – Тогеш Лингау повернул голову. – Очень хорошо. Мы слушаем вас.

Буншан Изоб опустил катану. Он целый час репетировал собственное выступление, однако неуверенность в самый неподходящий момент нахлынула вновь.

– Уважаемые, – Буншан Изоб с трудом вытолкнул из горла первое слово. – Я, как и уважаемый Ивлат Ачиан, всегда выступал, выступаю и будут выступать до последней возможности за блаженную самоизоляцию нашей страны. К сожалению, проклятые иноземцы не оставили нам выбора. Тассунара не вынесет бремени войны.

Самая главная фраза, наконец, произнесена. Буншан Изоб перевёл дух.

– Казна испытывает хронический недобор налогов. Домены Тассунары за редким, очень редким исключением в долгах как в шелках, – слова легко и свободно полились из горла, Буншан Изоб выпрямил спину и расправил плечи. – Даже мне, великому советнику, приходится всё чаще и чаще от имени императора брать взаймы у нандинских менял. И только благодаря тому, что заёмщиком выступает сам император, они не смеют ни отказать, ни потребовать вовремя вернуть долги.

– Тогда хватит с ними церемониться, – Блюл Пшенот резко поднял катану рукояткой вверх. – Нужно отобрать у наглых ростовщиков всё их золото. Да на такие деньги можно будет не только наполнить казну, но и с успехом разгромить проклятых иноземцев.

Придворные самураи одобрительно загудели. Буншан Изоб тут же сдулся и осунулся, былой душевный подъём выплеснулся из него, как вода из разбитой кружки. На плечи мельничными жерновами навалились вселенская тоска и печаль. Самураи, чьё главное предназначение война, редко разбираются в торговле и хозяйственных делах. По этой же причине лишь считанные домены могут свести доходы с расходами.

– Над законами торговли, обращения денег и хозяйства только Великий Создатель имеет власть, – Буншан Изоб глянул недалёкому сёгуну прямо в глаза.

Император Тогеш Лингау недовольно поморщился. Буншан Изоб дёрнулся всем телом, страх острой иглой ткнул прямо в сердце. Но молчать нельзя. На карту поставлено слишком многое.

– Да, вы правы, – сквозь силу, словно признаваясь в тайном пороке, продолжил Буншан Изоб, – если тряхнуть нандинских купцов и менял, то казна разом получит тысячи и тысячи золотых кобанов. Рассчитываться с долгами не придётся вообще. Да, деньги на войну с проклятыми иноземцами тут же найдутся.

Блюл Пшенот недовольно нахмурился. Сёгун прекрасно понимает, сердцем чует, что сейчас прозвучит что-то крайне неприятное в его адрес. Только вряд ли у него хватить ума догадаться, что именно.

– А что будет дальше, уважаемый? Вы об этом подумали? – Буншан Изоб словно плюнул в лицо Блюла Пшенота.

Сёгун недовольно засопел, однако так и не нашёл, что ответить. Следом испуганно притихли остальные сторонники войны с иноземцами.

– А потом менялы разбегутся, – нарочито спокойно продолжил Буншан Изоб. – В прямом смысле закопают свои деньги и в переносном залягут на дно. С налогами сейчас и так не очень. Если разорить менял, то буде ещё хуже. Ладно бы дело было только в них.

Вслед за менялами пострадают прочие торговцы, которые не смогут больше свободно обменивать одни деньги на другие, деньги на рис и обратно. Не будет менял, некому будет дать взаймы в трудную минуту. Многие торговцы разорятся и перестанут платить налоги. Налогоплательщиков и налогов станет ещё меньше. Зато кого точно станет больше, так это нищих с протянутой рукой, попрошаек и бродяг на каждой улице и на каждом перекрёстке.

Шайки голодных оборванцев начнут нападать на путников и крестьян. В стране вспыхнет самый настоящий голод. То, что на днях произошло в Нандине, покажется весёлым карнавалом в Праздник урожая.

Но даже такие колоссальные жертвы будут совершенно напрасными. Уважаемый Блюл Пшенот, не надейтесь: иноземцы не высадятся на берег, вам так и не выпадет возможность сойтись с ними в честном бою в чистом поле. Нет. Стирийцы останутся на своих чёрных кораблях и начнут методично расстреливать из своих огромных пушек город за городом, деревню за деревней. В первую очередь они обратят в руины Нандин и императорский дворец. А потом примутся за прочие города и деревни, которые только попадутся у них на пути. Если вам и придётся с кем воевать, так это не с иноземцами, а с простыми тассунарцами, которых голод и лишения подымут на бунт.

Буншан Изоб сглотнул и покосился на императора, от эмоциональной речи пересохло во рту. Теперь настало время высказаться самому Тогешу Лингау, наследному правителю Тассунарской империи.

Император погрузился в задумчивость, вместе с ним в нервную тишину погрузился огромный зал для советов. Тогешу Лингау четыре месяца назад исполнилось пятьдесят три года. Император уже не в том возрасте, когда круто меняют жизнь и легко отправляются на ратные подвиги. Да и здоровье правителя уже не то. Ещё десять лет назад он проводил много времени с женой и наложницами, а сейчас всё чаще и больше предпочитает сакэ, мандзю (пирожки

из сахара и рисовой муки с фасолевой начинкой) и философские рассуждения в садовой беседке с видом на клумбу с пионами.

Но вот император поднял голову и заговорил тихим уверенным голосом:

– Меня радует, что мои подданные понимают важность блюсти законы предков, блага самоизоляции Тассунары и питают ненависть к иноземцам. К великому прискорбию, я должен отметить, что уважаемый Ивлат Ачиан и уважаемый Буншан Изоб правы – в данный момент у Тассунары нет сил для войны с проклятыми иноземцами. Но и заключать позорный договор о так называемой дружбе очень и очень не хочется. Так может, уважаемые, нам удастся найти другое решение?

Как скучно жить, Буншан Изоб даже не пошевелился. За шесть лет у него было предостаточно возможностей досконально изучить характер и образ мыслей императора. Реакция Тогеша Лингау предсказуема, как предсказуема реакция голодного нищего при виде миски полной варёного риса. Теперь обсуждение пойдёт по второму кругу, потом по третьему, четвёртому, пятому и так далее, пока не высохнет Бескрайний океан, а звёзды не упадут с небесной тверди на землю.

Блюл Пшенот вновь поднял катану рукояткой вверх:

– Тогда я предлагаю одолеть проклятых иноземцев хитростью, раз на честный бой они так и не выйдут.

Скучно, скучно жить, Буншан Изоб закрыл глаза. Сквозь губы просочился тихий выдох. Руки мысленно брякнулись на пол и рассыпались от бессилия на тысячи острых осколков. И второе предложение сёгуна всё так же ожидаемо. Блюл Пшенот мыслит как полководец на поле боя: вот враг, его нужно победить и никаких сусликов.

А вот чего уважаемый Блюл Пшенот никак не может понять, так это то, что враг находится не в Нандинском заливе, а на другом конце Бескрайнего океана. Силой или хитростью, мытьём или катаньем, чёрные корабли стирийцев в заливе уничтожить можно. Только взамен приплывут другие в ещё большем количестве с ещё более злыми и наглыми адмиралами.

***

Морской порт рядом совсем. Лёгкий ветерок разносит между домами запах соли и гниющих водорослей. Конь словно понимает дурное настроение всадника и осторожно, можно даже сказать, с опаской, перебирает копытами. Да и как не быть в дурном настроении, Буншан Изоб поднял глаза на гладь Нандинского залива, когда ему предстоит очень неприятная миссия.

В том месте, где проклятые иноземцы сошли на берег, две сотни самураев в полном боевом облачение круглые сутки несут караул. В ближайших пакгаузах расстелены матрасы-футоны, разложены очаги и поставлены большие бочки для сбора нечистот.

Буншан Изоб тяжело и грузно спрыгнул с коня на прибрежный песок. В ступни через кожаные сандалии с золотым тиснением стрельнула боль. Слуга в сером кимоно тут же подхватил коня под уздцы.

Вчера на Большом совете, после бесконечных разговоров ни о чём, Буншану Изобу удалось убедить императора не тянуть с ответом, а самим вызвать проклятых иноземцев на переговоры. И вот, едва Гепола поднялась над восточный горизонтом и согрела грешную землю яркими лучами, он здесь, на берегу залива. Только надевать боевые доспехи предков, страшную маску демона и скакать перед адмиралом Кеяком учёной обезьянкой Буншан Изоб не стал. Бесполезно. Скромное кимоно, тёмно-зелёный шёлк без каких-либо узоров и вышивок, подойдёт лучше всего.

Утро. Прекрасное свежее утро. Лёгкий бриз со стороны Нандинского залива с запахом соли омывает лицо. Как прекрасен залив, когда даже самые

трудолюбивые рыбаки ещё не вышли на промысел, а неповоротливые джонки с прямоугольными парусами ещё не двинулись вдоль побережья к другим городам и деревням большой островной империи. Нандинский залив был бы великолепен, если бы… Если бы не четыре чёрные туши со спущенными парусами на его зеркальной глади.

Четыре иноземных боевых корабля подобны четырём злобным демонам, что всю ночь охотились за душами простых смертных, а теперь лениво колышутся на воде. В этих четырёх кораблях, так называемых фрегатах, словно сконцентрировалось всё зло, всё самое плохое и тлетворное, что только есть на других берегах моря Окмара и Бескрайнего океана. Только глядя на туши морских громадин не умом, а сердцем понимаешь мудрость великого Мемгара Лингау, который так предусмотрительно, так мудро завешал потомкам на веки вечные не пускать на родные острова проклятых иноземцев.

Грусть горькой тяжёлой волной растеклась по телу. Чего второй император Тассунары не знал, не мог предвидеть, так это силу, которую обретут проклятые иноземцы спустя две с половиной сотни лет.

Ладно, хватит грустить. Охи и вздохи не помогут. Неприятное дело лучше всего закончить как можно быстрее. Буншан Изоб махнул рукой, тут же на берегу бабахнула маленькая пушка, сигнал вызова на переговоры.

Специально для этого случая сигнальную пушку привезли из маленькой крепости на берегу залива. Буншан Изоб печально улыбнулся, как же она точно олицетворяет собой Тассунару. Бронзовый ствол покрыт великолепным орнаментом из мечей, стрел и щитов. И, словно старая краска, толстый, толстый слой патины. Деревянный лафет еле держит тяжёлый ствол. Левый борт пересекает глубокая трещина. То тут, то там видны дырочки от жука-точильщика. Тонкая, гораздо более новая дощечка не даёт древнему лафету окончательно развалиться.

Холостой выстрел: дыму много, шуму много, а толку мало. Было бы ничуть не лучше, если бы затолкать в ствол чугунный шарик весом в килограмм. Что для большого чёрного корабля крошечное ядро? Что для быка палочка для еды. В ответ проклятые иноземцы могут запросто изрыть берег огромными чугунными ядрами по десять кило каждое.

Слуги на скорую руку возвели на берегу красный навес от дождя и жгучих лучей Геполы. На матерчатой крыше вышит золотой дракон с распахнутой пастью. Буншан Изоб медленно опустился на низенькую табуретку под навесом. Возможно, придётся ждать. А может, и нет. Иноземцы грубы, невоспитанны и торопливы. Вряд ли адмирал Кеяк будет долго выбирать кимоно для встречи. Хотя, с другой стороны, он вполне может потянуть время, чтобы хоть немного отыграться за долгое ожидание на внутреннем рейде Нандинского залива.

К счастью, а может, к сожалению, долго ждать не пришлось. Сизый дымок из ствола маленькой сигнальной пушки не успел развеяться, как с чёрного корабля спустили большую лодку. Моряки в синих рубахах и белых штанах с ловкостью диких обезьян соскользнули по верёвочной лестнице. Буншан Изоб поморщился, словно от зубной боли. Вместо благородных мечей и копий иноземные моряки погрузили в большую лодку две связки ружей с длинными чёрными стволами. Последним медленно и важно спустился невысокий крепыш адмирал Кеяк.

А где остальные? Буншан Изоб чуть-чуть совсем приподнялся на низенькой табуретке и тут же расслабленно бухнулся на неё обратно. Где ещё большие лодки? Вчера их было целых пять штук. Дурной знак. Адмирал Кеяк очень любит демонстрировать силу и собственное превосходство. Если вокруг него больше нет лодок с матросами и ружьями, значит, он задумал какую-нибудь подлость.

Как и в прошлый раз, коренастый адмирал одет в плотную синюю рубашку, а за ним семенит тощий простолюдин с трусливой рожей подхалима в чёрных

штанах и в почти точно такой же тёмно-зелёной рубахе со множеством пуговиц. Буншан Изоб вышел из-под навеса. Хуже, чем встречать проклятого иноземца сидя, может быть только подъём на ноги, когда тот вступит под своды красного навеса.

Адмирал Кеяк ловко спрыгнул с носа большой лодки на берег. Даже на расстоянии видно, как на его овальном лице играет широкая улыбка. А глаза, глаза предводителя иноземцев блестят как у нищего разбойника при виде сундука с золотыми кобанами. Тощий тип, Буншан Изоб невольно улыбнулся, опять едва не свалился в воду. В последний момент спутник адмирала едва-едва успел вскочить на ноги и поднять вокруг себя тучу брызг.

Адмирал Кеяк остановился в двух шагах. Прежде, чем предводитель иноземцев успел набрать полную грудь воздуха, Буншан Изоб заговорил первым:

– От имени Тогеша Лингау, десятого императора Тассунарской империи, рад видеть вас в бодром расположении духа и в полном здравии.

Получилось! Переводчик загавкал на стирийском. Маленькая дипломатическая победа, приятный отыгрыш за вчерашнее унижение.

– Император Тогеш Лингау внимательно ознакомился с посланием вашего императора Технара и с вашим личным. Император Тассунары прекрасно понимает и осознаёт важность договора о дружбе и приветствует возможные выгоды взаимной торговли. Однако! – Буншан Изоб резко поднял правую руку. – Заключение договора является, несомненно, делом необычайной сложности и требует продуманного и взвешенного решения.

Адмирал Кеяк внимательно выслушал переводчика и гавкнул в ответ.

– Вы нуждаетесь время на раздумья? – тут же перевёл простолюдин.

Сработает или нет? Буншан Изоб незаметно сжал пальцы щепотью, чтоб не дрожали от волнения. Лоб сам по себе стал чуть влажным, хотя великолепная Гепола ещё не начала поливать землю зноем. Или откажет? Время на раздумья проклятый иноземец может воспринять как очередную проволочку и вспылить. Тогда будет лучше остаться на берегу и погибнуть самым первым под пушечными ядрами.

– Я согласен, – через переводчика ответил адмирал Кеяк. – На раздумья у вас ровно год. Однако через год я вернусь за окончательным ответом. В ваших же интересах сделать так, чтобы ответ был только положительным.

Буншан Изоб с вежливой улыбкой склонил голову. Уж слишком легко и быстро адмирал Кеяк согласился ждать, да ещё целый год. Смутное предчувствие чего-то нехорошего превратилось в звон пожарного колокола.

– Чтобы вам было легче думать и проще принять правильное решение, – адмирал Кеяк самодовольно улыбнулся, – на прощанье я покажу вам мощь военно-морского флота Стирии во всей красе.

Внешне Буншан Изоб изобразил вежливую заинтересованность, хотя на самом деле внутренности покрылись толстым слоем льда.

– Там, – адмирал Кеяк махнул рукой в сторону северного берега Нандинского залива, – находится рыбацкая деревня. Она послужит отличной мишенью для показа нашей мощи. Завтра утром пушки моих кораблей разнесут её к морским бесам. Местные жители, если им только дороги их задницы, пусть убираются вон. Всего вам хорошего.

Адмирал Кеяк резко поклонился. Тощий тип с трусливой рожей в плотной зелёной рубашке преданной собачкой засеменил следом за адмиралом к большой лодке.

Это! Это! Это было так резко и неожиданно! Буншан Изоб молча замер с угодливой миной на лице. В самый нужный момент не нашлось ни слов, ни возражений протеста. Да и поздно кричать «постой!», когда предводитель иноземцев уже забрался в большую лодку и отчалил от берега.

– Всего вам наилучшего, – запоздалые слова вежливого прощания сами собой сорвались с губ, растерянный переводчик-простолюдин машинально прогавкал их на фатрийском.

В самый последний момент предводитель иноземцев вновь ловко взял верх. Просто, без словесных выкрутасов дал прямо в лоб и оставил последнее слово за собой. Буншан Изоб щёлкнул пальцами, слуга тут же подвёл коня. Императору очень не понравится мишень для демонстрации мощи иноземцев. Святая обязанность каждого правителя оберегать и защищать своих подданных, в том числе их дома и прочее имущество.

Буншан Изоб ткнул пятками коня в бок. Что самое противное, заявление адмирала Кеяка слышали слишком много ушей. Великолепная Гепола не успеет пройти и половины пути по небу, как дурная весть облетит весь Нандин. Завтра к утру на гибель рыбацкой деревни сбегутся посмотреть тысячи праздных глаз.

Глава 6. Пушечные ядра

Только в глазах несведущего человека красивое трёхмачтовое судно с романтическим названием «Чёрный лебедь» может показаться мирным торговцем. Два больших колеса по бокам придают ему налёт нереальности и чуть-чуть абсурда. Однако на самом деле «Чёрный лебедь» не судно, а боевой корабль, фрегат военно-морского флота Стирии. И сейчас мнимый торговец готовится показать свою боевую мощь в полной красе.

Едва великолепная Гепола показалась над Огаялским отрогом, как эскадра чёрных фрегатов пришла в движение. Не прошло и часа, как «Чёрный лебедь», «Морской орёл», «Ворон» и «Беркут» выстроились в линию напротив маленькой рыбацкой деревни.

– Скажите, адмирал, – корреспондент «Ежедневного телеграфа» опустил подзорную трубу, – неужели вам совершенно не жалко этих, этих… – утус Мунгел в задумчивости защёлкал пальцами.

– Аборигенов? – вежливо подсказал адмирал Кеяк.

– Ну…, – утус Мунгел замялся ещё больше, – я бы не стал называть тассунарцев аборигенами. Да, они отсталый народ. В так называемом порту не видно ни одного худо-бедно приличного судна, не говоря уже о пароходах. Но они точно не дикари.

– Утус Мунгел, – адмирал Кеяк великодушно улыбнулся, – дело не в словах. Можете называть их культурно «тассунарцами» или более точно «аборигенами». Это не имеет значения. Важно то, что через пять минут мы сравняем эту жалкую деревеньку с зёмлей в назидание местным правителям.

На фрегате вовсю кипит подготовка к стрельбе. Доски под ногами гудят от многочисленного топота на орудийной палубе. Через распахнутые люки наружу выглядывают жерла пушек и доносятся команды артиллерийских старшин. Команда «Чёрного лебеда» прекрасно знает своё дело и совершенно не нуждается в мелочной опеке со стороны офицеров.

Адмирал Кеяк поднял подзорную трубу. Если невооружённым взглядом деревня аборигенов представляет из себя жалкое зрелище, то через мощную оптику выглядит вообще убогой. Пятнадцать крошечных домиков с покатыми крышами. Распахнутые двери, окна, пятачки вытоптанной земли, кривые столбы и сети. На песчаном берегу перед деревней на чёрных столбах растянуто несколько рыболовных сетей с большими дырами. Рядом днищем кверху валяются деревянные лодки.

– А вдруг там ещё остались люди? – утус Мунгел махнул рукой в сторону берега. – А вдруг кто-нибудь из местных случайно погибнет?

– Может, и остались, – адмирал Кеяк опустил подзорную трубу, – только своего приказа я всё равно не отменю. Ну а если местной черни чугунное ядро ненароком снесёт голову – будет ещё лучше.

– И чем же лучше может быть смерть человека?

– А тем, что аборигены ещё лучше испытают на собственной шкуре мощь и ярость Стирии. Кровавые лужи на земле прочистят местным правителям мозги. Через год они либо «откроют» свою страну, либо будут уничтожены, – охотно пояснил адмирал Кеяк.

– Но адмирал, – корреспондент «Ежедневного телеграфа» не унимается, – зачем такая жестокость?

– А затем, уважаемый, что по сравнению с прошлым разом гонору в аборигенах поубавилось, однако они по-прежнему уповают на «авось». Авось пронесёт. Авось чужеземцы передумают. Авось им будет лень, – смешно коверкая слова на тассунарский манер, произнес адмирал Кеяк.

– Бросьте, уважаемый, – утус Мунгел махнул рукой, – это не смешно.

– Вы это им, – адмирал Кеяк ткнул пальцем в сторону дворца императора, – скажите. Чёрный бычок на зелёной лужайке кажется таким мирным, таким симпатичным и добрым, пока не развернёшь перед ним красную тряпку.

В ответ утус Мунгел лишь вздохнул и отвернулся. В последний день корреспондентом «Ежедневного телеграфа» овладела странная неуверенность. Ни с того ни с сего он вдруг проникся к местным симпатией. Наверно, зря он дни напролёт проводил на палубе «Чёрного лебедя» и разглядывал Нандин через подзорную трубу.

– Адмирал, – рядом бодро козырнул командор Игиз Соргер, капитан «Чёрного лебедя», – фрегат к стрельбе готов.

– Отлично, – тихо обрадовался адмирал Кеяк, – начинайте.

Капитан «Чёрного лебедя» тут же отошёл. Через пару мгновений с мостика фрегата полетели зычные команды командора Соргера.

– Сейчас вы увидите потрясающее зрелище, уважаемый, – адмирал Кеяк повернулся к корреспонденту «Ежедневного телеграфа». – Одно дело громкие хлопки, и совсем другое – свист настоящих ядер.

Тут же, словно подтверждая его слова, грянул одинокий выстрел. От правого борта «Чёрного лебедя» отделилось чёрное облако. Утус Мунгел тут же приник к подзорной трубе. Но, к превеликому разочарованию газетчика, на берегу не дрогнул ни один домик, а из земли не поднялся ни один султан взрыва.

– Неужели ваши бравые артиллеристы совсем разучились стрелять? – утус Мунгел опустил подзорную трубу.

В голосе наёмного писаки сквозит ирония.

– Что вы, уважаемый, – адмирал Кеяк притворно возмутился. – На самом деле я не зверь и не дурак. Это был холостой выстрел, последнее предупреждение для особо упрямых или тупых аборигенов, если такие всё же остались в деревне.

Утус Мунгел вновь поднял подзорную трубу. Было бы здорово, если бы последний холостой выстрел вызвал бы среди аборигенов самую настоящую панику. Но… Адмирал Кеяк поднял подзорную трубу. Никого. Буквально нигде ни одной испуганной рожи. Даже хуже, адмирал Кеяк поводил подзорной трубой из стороны в сторону.

Деревенька рыбаков и в самом деле совершенно пуста. Не видно ни кур, ни уток, ни другой какой-нибудь живности. Хотя возле многих домиков можно легко заметить низенькие загоны для домашней птицы и деревянные поилки. Аборигены не просто оставили деревню, а унесли всё мало-мальски ценное. На тропинках между домами валяются порванные сандалии, пучки соломы, поломанные бочки и развалившийся плетёный короб.

Жаль, адмирал Кеяк опустил подзорную трубу. Похоже, артобстрел и в самом деле обойдётся без жертв.

Ровно через три минуты после последнего предупредительного выстрела орудия правого борта «Чёрного лебедя» дали залп. Следом, с минимальным опозданием, к флагману присоединились пушки «Ворона», «Беркута» и «Морского орла».

Огромное чёрное облако порохового дыма на миг заслонило берег. Адмирал Кеяк вскинул подзорную трубу. Сквозь пороховую гарь показался тассунарский берег.

Что за чёрт?! Подзорная труба едва не выпала из рук. Адмирал Кеяк подкрутил окуляр. Вполне резонно было бы ожидать, что первый же залп четырёх фрегатов разнесёт хижины аборигенов к чёртовой матери на клочки и кусочки. Однако ни один жалкий домишка даже не шелохнулся, хотя берег расцвёл от кустов взрывов. На единственной улочке между домами упало не меньше пяти-семи ядер.

Ах ты, господи! Адмирал Кеяк чуть не взорвался от смеха.

– Не понимаю вашего веселья, адмирал, – с плохо замаскированным укором произнёс утус Мунгел. – Вы обещали, что первый же залп вашей эскадры не оставит от деревни аборигенов и камня на камне.

– В том то и дело, уважаемый, – адмирал Кеяк потер кулаком левый глаз. – Камня на камне и в самом деле не осталось бы. Только жилища аборигенов ещё более жалкие и убогие, чем кажутся. Да вы сами гляньте: тяжёлые ядра прошили их на вылет и упали позади хижин. Взрывная волна начисто снесла так называемые стены. Трудно поверить, но они и в самом деле из бумаги. Уцелели только каркасы и крыши.

Жалкие хижины тассунарских рыбаков и в самом деле превратились в летние павильоны с дурными крышами на тощих столбах. То, что когда-то было стенами, разорвано в клочья и свисает с покорёженных рам большими длинными лохмами.

Пусть расстрел беззащитной деревни аборигенов никак нельзя назвать боевой операцией, однако стрельба ведётся в строгом соответствии с боевым уставом. Ровно через минуту орудия «Чёрного лебедя» дали новый залп. Как и в первый раз за флагманом последовала остальная эскадра. А через минуту еще один залп и ещё.

Удивительно! Адмирал Кеяк в очередной раз обвёл взглядом жалкую деревеньку. Второй залп эскадры всё же повалил несколько домишек. И лишь после четвёртого кое-где над развалинами поднялись струйки дыма. Зато, как только показались первые языки пламени, деревенька вспыхнула, словно пропитанный смолой пук соломы. Наконец пушки фрегатов последний раз оглушительно рявкнули и смолкли. Для демонстрации мощи военно-морского флота Стирии вполне достаточно семи залпов.

– Адмирал, – рядом вновь появился командор Соргер, капитан «Чёрного лебедя», – ваше приказание выполнено. Деревня аборигенов уничтожена.

Глаза командора Соргера горят от восторга. Что ни говори, а пострелять из больших пушек любят все. Тем более после долгого ожидания и по настоящей цели, да ещё без страха получить ядро-другое в ответ. В мирное время у капитана боевого фрегата так мало возможностей сполна насладиться грохотом пушек любимого корабля.

– Великолепно, командор, – адмирал Кеяк козырнул в ответ.

Всё, что только может гореть в деревеньке рыбаков на берегу, горит ярким пламенем. Ну, или уже прогорело и чадит белым дымом. Не осталось ни одного домика или сарая. Попадали даже жалкие подобия заборов. Улица между домами превратилась в сплошную череду воронок.

– На сегодня наша миссия закончена, – адмирал Кеяк вновь повернулся к командору Соргеру. – Снимайтесь с якоря, командор, мы покидаем этот мерзкий залив.

После демонстрации огневой мощи нет никакой надобности запускать паровую машину «Чёрного лебедя». Красавец-фрегат, как в былые времена, распустил паруса и лихо тронулся с места. Следом за флагманом снялись с якорей «Морской орёл», «Ворон» и «Беркут». Эскадра фрегатов, словно артисты со сцены, покинула воды Нандинского залива и вышла в море Окмара.

Только адмирал Кеяк не сразу отправился в Рюкун. По его приказу эскадра ещё целую неделю курсировала вдоль западного побережья Тассунары. При виде города или даже отдельной деревни фрегаты приближались к берегу и давали два-три холостых залпа. Каждый раз аборигены в ужасе драпали в глубь острова. Эхо пушечных выстрелов летело вслед и поджигало тассунарцам пятки.

Как и рассчитывал адмирал Кеяк, слухи об уничтоженной деревеньке рыбаков на берегу Нандинского залива облетели Тассунару. И не просто облетели, а обросли огромным количеством кровавых подробностей. Если в самой деревне не погиб ни один рыбак, то, по уверениям путников из Нандина, морской берег был усыпан телами мёртвых рыбаков, а воды Нандинского залива стали красными от крови. Вот почему при одном только виде чёрных кораблей аборигены драпали без оглядки. Только полноценная война, пусть даже с заведомо более слабым противником, пока не входит в планы адмирала Кеяка.

Глава 7. Мощь иноземцев

Обычно Гнедок, боевой конь, грызёт удила от нетерпения и рвётся вперёд. Только на этот раз он мерно перебирает копытами. Понимает, тварь божья, когда можно от нетерпения бить копытом о землю, а когда лучше напустить на себя смиренный вид и тем самым уберечь собственные бока и шею от жгучей плётки всадника. Вот если бы все люди были такими же, а особенно приближённые императора Тогеша Лингау. Сколько проблем и пустопорожних споров можно было бы избежать. Ивлат Ачиан, даймё домена Кирдан, тяжело вздохнул.

Приближённые самураи маленьким ударным отрядом окружают даймё Ачиана. Вот впереди показалось то, что не так давно, какой-то час назад, было небольшой рыбацкой деревенькой со смешным названием Рыбий хвост. Над грудами чёрных обломков курится белый дым.

Деревенька Рыбий хвост простояла на берегу Нандинского залива не одну сотню лет. Эта часть берега совсем, совсем непригодна для земледелия. Каменистая земля, в которую только с превеликим трудом можно воткнуть пару редисок. Да и они не каждый год дорастают до приличных размеров, чтобы оказаться в бочке для маринования. По этой причине жители Рыбьего хвоста испокон веков кормились морем. Пусть Нандин огромный город и свежей рыбы для него с каждым годом требуется всё больше и больше, однако мало кто из благородных самураев подозревал о существование маленькой деревеньки на дальнем берегу залива. Да и прочие горожане редко обращали внимание на ряд убогих домишек. Мало кто, пока сегодня утром большие чёрные корабли иноземцев не обратили её в руины.

Едва белые паруса иноземных кораблей скрылись за мысом Северный маяк, как простолюдины валом повалили поглазеть на остатки маленькой деревушки. Только городская стража успела первой. От самого берега протянулась длинная цепочка досинов с помощниками. У каждого на поясе грозная катана, а в руках помощников увесистые дубинки, длинные копья и цепи. Толпа любопытных простолюдинов так и замерла на почтительном расстоянии от городских стражников.

Простолюдины нервно оборачиваются, едва до них долетает цокот копыт, и пугливо отскакивают в стороны. Ачиан вместе с приближёнными самураями легко проследовал через огромную толпу горожан.

– При всём уважении, витус, – досин в бордовом кимоно в цепочке стражников вежливо поклонился, – проход закрыт.

Городской стражник держится прямо. Ни отряд всадников на статных боевых конях, ни дорогие шёлковые накидки без рукавов, ни мечи за поясом решительно настроенных самураев не испугали его. Такой уверенностью при виде высокопоставленного даймё со свитой могут похвастаться только досины Нандина, которым каждый божий день приходится утихомиривать буйных самураев. Спорить с городским стражником бесполезно.

– Позови своего ёрики, – тихо приказал Ачиан.

Ёрики – непосредственные помощники префекта Нандина. Каждый отвечает за определённый район большого города. В подчинении у каждого ёрики до сотни и больше досинов, самураев низкого ранга, которые непосредственно патрулируют улицы и следят за порядком. А все вместе они составляют городскую стражу. Сегодня всех без исключения ёриков вместе с их подчинёнными префект отправил оцепить разрушенную деревню.

Пусть досинов не пугают статные боевые кони и дорогие одежды высокопоставленных самураев, однако назвать их ленивыми никак нельзя. Очень быстро к цепочке городских стражников подошёл щегольски одетый самурай. Вместо традиционной чёрной накидки без рукавов на нём добротное хлопковое кимоно светло-коричневого цвета с более тёмными пятнами-горошинками. Но, как и полагается самураю, за поясом у ёрики заткнута пара мечей.

– Добрый день, витус, – ёрики вежливо поклонился. – Меня зовут Сичаг Гмалев. Согласно приказу Северного префекта Нандина Дуна Ринальда, проход к разрушенной деревне закрыт.

Досинов редко пускают в дома даймё и никогда во дворец императора. А вот ёрику Сичагу Гмалеву вращаться в высших кругах столицы приходится гораздо чаще.

– Меня зовут Ивлат Ачиан. Я даймё домена Кирдан, – Ачиан склонил голову. – Уважаемый, будьте добры, процитируйте приказ уважаемого Северного префекта более точно.

Если ёрики Гмалева и озадачила такая странная просьба, то он совершенно не подал вида.

– Дабы предотвратить возможные беспорядки и волнения, – ёрики Сичаг Гмалев скосил глаза вверх, – приказываю моим ёрикам перекрыть доступ простолюдинам и прочим незнатным горожанам Нандина доступ к разрушенной деревне Рыбий хвост вплоть до дальнейших распоряжений.

Что и следовало ожидать, Ачиан молча уставился на ёрики Сичага Гмалева. В приказе Северного префекта Нандина нет ни слова о запрете для самураев, тем более высшего ранга.

Волнение и смятение проступили-таки на лице Сичага Гмалева. Глаза ёрики забегали из стороны в сторону. Как обычно, за неточность начальства расплачиваться приходится подчинённым.

– Уважаемый, пропустите нас осмотреть разрушенную деревню, – поднажал Ачиан.

Вежливая просьба с нужной интонацией и с нужным выражением лица помогли ёрику принять правильное решение.

– Прошу вас, витус, – Сичаг Гмалев демонстративно отошёл в сторону, досины слева и справа от него тут же открыли проход.

Вблизи разрушенная деревня Рыбий хвост выглядит ещё хуже, ещё ужасней. Ачиан легко соскользнул с Гнедка на землю. Под сандалиями тут же хрустнули

сухие угольки, ноги по самую щиколотку окутало тёмное облачно. При «жизни» домики рыбаков не отличались ни стойкостью, ни основательностью. Пусть огонь успел объять всё дерево и почти прогорел, однако до сих пор отлично видно, как ядра иноземцев разрушили, буквально повалили на землю, жилища рыбаков. Улица между домами утыкана большими коническими ямами, так называемыми воронками.

Ачиан неприятно поморщился, будто на язык разом попала дюжина горьких перчинок. У ближайшего дома когда-то стоял большой каменный фонарь. Уж какими судьбами украшение из сада даймё либо другого высокопоставленного самурая оказалось в рыбацкой деревушке, ведает лишь Великий Создатель. Некогда ценный постамент не меньше двух метров высотой и толщиной в полметра разбит вдребезги. Будто неизвестный мастер не вырезал его из цельного куска тёмно-коричневого гранита, а вылепил из дурной глины. Ядро иноземцев угодило почти в середину каменного фонаря. Колотые куски гранита разлетелись широким веером. На земле остался обломанный пенёк.

Больше всего пугает не мощь орудий иноземцев, Ачиан зло пнул каменный обломок. Острая боль кольнула пальцы правой ноги. Больше всего пугает расстояние, с которого прилетели ядра иноземцев. Даже если бы чёрные корабли стирийцев подошли бы к самой кромке берега, то от каменного фонаря до воды осталось бы не меньше двух сотен метров.

– Витус?

Ачиан повернул голову. Рядом остановился Вуш Туяк, доверенный помощник и дальний родственник по материнской линии. В руках у него иноземное ядро. Превеликий Создатель, Ачиан невольно подался назад, какое же оно огромное.

– Дай сюда, – Ачиан взял из рук помощника ядро.

Чёрный металл, скорее всего чугун. Кончики пальцев ощущают очень маленькие поры. Массивный шар до сих пор источает тепло. С него осыпаются мелкие комочки земли. Килограмм десять, Ачиан покачал ядро в правой руке, не меньше.

– Витус, ядра иноземцев легко проломят стены вашего семейного замка в Амадун, – тихо произнёс Вуш Туяк. – Камень, даже гранит, не устоит перед такими чугунными шарами.

Слово «такими» молодой помощник произнёс с плохо скрытым ужасом. Ещё вчера вечером он ни за что бы не поверил, что такие тяжеленные чугунные шары проклятые иноземцы умеют посылать так далеко и с такой убийственной точностью.

Вуш Туяк вольно или невольно озвучил то, что и так вертелось на языке. Стыдно признать, но страх, самый настоящий страх холодной колючей рукой сжал сердце. Ачиан выронил ядро, чугунный шар с глухим ударом плюхнулся на землю.

– Ты прав, – Ачиан отряхнул ладони, – ситуация гораздо серьёзней, чем мне казалось ещё сегодня утром. Если сперва я только предполагал, что война с иноземцами будет делом безнадёжным, то теперь, – Ачиан обвёл рукой развалины деревни Рыбий хвост, – я твёрдо уверен в этом.

– Так что же нам делать, витус?

С языка молодого помощника сорвался ещё один серьёзный вопрос. Пусть на Большом совете у императора Вуш Туяк не был, не по рангу, однако Ачиан сразу же по возвращении в резиденцию в Восточном Тинтане в деталях и подробностях рассказал доверенному помощнику о словесных баталиях и неуверенности как участников Большого совета, так и самого императора. Важное совещение продолжался не один час и закончился поздно вечером, однако пересказ главных событий не занял и пяти минут.

– Что нам делать? – эхом отозвался Ачиан. – В первую очередь нам нужно перестать смотреть на огнестрельное оружие, на мушкеты и пушки как на оружие подлое, грязное и недостойное благородного самурая.

Свита за спиной взволновано зашумела. Даже во время Войны доменов больше двух с половиной веков назад самураи высшего ранга предпочитали не брать в руки презренные мушкеты. С наступлением Великого мира огнестрельное оружие практически вышло из употребления. Даже среди самураев низшего ранга, которые едва-едва сводят концы с концами, невозможно найти меткого стрелка. Да и сам Ачиан только видел мушкеты в арсенале семейного замка, но никогда не брал их в руки.

Пусть перед собственной свитой, самыми преданными и близкими самураями, пусть в полголоса и не обращаясь ни к кому конкретно, Ачиан только что поставил под сомненье один из основных постулатов «Пути воина».

– Да, уважаемые, – Ачиан повернулся лицом к свите, – нам придётся взять в руки мушкеты, и не просто взять, а научиться владеть ими в совершенстве точно так же, как каждый из нас владеет в совершенстве мечом и копьём. Иначе, – Ачиан повысил голос, – нам никогда не победить подлых иноземцев.

Свита тут же притихла. Самураи отводят глаза и косо поглядывают друг на друга. Отказаться от проверенных временем заветов предков очень трудно и очень больно.

– Витус, но у нас нет ни таких ядер, ни таких пушек, которые могли бы стрелять такими ядрами, – кончиком кожаной сандалии Вуш Туяк дотронулся до чугунного шара.

– Значит, – Ачиан на секунду задумался, – нам предстоит научиться отливать такие ядра и такие пушки. Но это будет нелегко. Наши ремесленники не умеют делать ничего подобного. Придётся, уважаемый, думать над разрешением и этой проблемы.

За спиной зазвучали взволнованные голоса, Ачиан обернулся. Через цепочку стражников прошёл ещё один отряд высокопоставленных самураев на ухоженных статных конях. Даже на слуге одето шёлковое кимоно приятного серого цвета.

Во главе отряда с гордым видом возвышается Блюл Пшенот, сёгун, военачальник армии императора. Значит, Ачиан невольно улыбнулся, и самый главный ястреб империи не сумел сдержать любопытства. Только, только… Грусть и уныние окатили холодной водой, ни разрушенная до основания деревня рыбаков, ни разбитый вдребезги каменный фонарь не произведут на Блюла Пшенота должного впечатления. Даже огромное чугунное ядро весом целых десять килограмм если и заставит сёгуна вздрогнуть от неожиданности, то только если он уронит чугунный шар себе на ногу.

Из толпы простолюдинов вынырнул ещё один отряд богато одетых всадников. Кого ещё несёт поглазеть на разрушенную деревню? Неужели, Ачиан напряг глаза, Буншан Изоб, сам великий советник императора?

– Немедленно уходим, – Ачиан тут же запрыгнул на Гнедка.

Разговаривать с сёгуном нет никакого желания. Да и сам Блюл Пшенот не хочет перекинуться хотя бы парой слов с тем, кто не так давно на Большом совете открыто поддержал великого советника. Сёгун нервно дёрнул уздечку и демонстративно повернул коня в другую сторону.

Ни ёрики, ни досины не стали возражать, когда Ачиан со свитой пересёк цепочку городских стражников и углубился в толпу простолюдинов. Верный Гнедок шагает прямо на горожан, которые поспешно убираются прочь с дороги. Рядом скачут самураи из ближнего окружения. Вместе с цокотом копыт в голове скачут невесёлые мысли. Ачиан на миг бросил взгляд назад.

Разрушенная деревня никуда не делась и не стала менее разрушенной. Пятнадцать больших кучек золы вместо домов. Ачиан грузно опустился обратно в седло. Гнедок слегка прогнулся и недовольно дёрнул ушами.

Да, в домене Кирдан работает много талантливых оружейников, но ни один из них не сможет отлить огромную пушку, которая будет стрелять десятикилограммовыми ядрами. Приказывать бесполезно. Ремесленники сначала разведут руками от бессилия, а потом плюхнутся носом в грязь и будут униженно молить не убивать их. Или, Ачиан невольно улыбнулся, будут сразу просить о скорой смерти без мучительных истязаний и пыток.

– Витус, – Вуш Туяк пришпорил коня, – ваши ремесленники не смогут отлить ни такие ядра, ни такие пушки. Однако в Нандине есть «Иноземная библиотека». Если проклятые иноземцы умеют отливать такие пушки и ядра, то… – молодой помощник замялся в нерешительности, – может, из их книг мы узнаем, как они это делают. Я предлагаю попробовать, – торопливо закончил Вуш Туяк.

А ведь это… Ачиан машинально потянул поводья на себя, Гнедок тут же остановился. Следом остановилась вся свита. Самая дельная и толковая мысль с того самого момента, как на водной глади Нандинского залива показались чёрные корабли иноземцев.

– Вуш Туяк, – Ачиан ткнул пятками коня в бок, Гнедок послушно тронулся с места, – ты прав. Начать решение проблемы с поиска книг – отличный ход. Как прибудем в Нандин, немедленно отправляйся в «Иноземную библиотеку» и как следует расспроси библиотекарей. Вдруг у них найдётся книга, как отливать большие пушки и ядра. Сейчас не время бояться прослыть глупым и необразованным.

– Будет исполнено, витус, – Вуш Туяк поклонился и едва не ткнулся носом в холку коня.

Как много-много раз повторяла мать, люди приумножают мудрость, а книги хранят её. Начитанная была женщина, Ачиан улыбнулся. Ради неё отец купил большую библиотеку. Как жаль, Ачиан тряхнул поводья, во время очередного пожара в замке Амадун библиотека выгорела почти полностью. Не уцелела ни одна книга, лишь несколько жалких свитков. Если мама и не расстроилась, так лишь потому, что за год до того злосчастного пожара она покинула этот бренный мир.

Былая растерянность и злость перед иноземцами невольно отступили. Ачиан ткнул коня пятками в бок, Гнедок перешёл с шага на лёгкую рысь. Даже самая дальняя дорога начинается с самого первого шага. Как отливать большие пушки, чтобы были не хуже иноземных, – бог его знает. А ведь ещё предстоит научиться стрелять из них. Проблем и задач много, очень много. Главное, чтобы денег хватило. А упорства и духа и так в избытке.

Глава 8. Неужели дождался?

Да-а-а… Саян так и эдак повертел в руках новенькую только что отпечатанную листовку. Даже не листовку, а пробник. Качество, мягко говоря, не самое лучшее. Строчки кривые, отдельные буквы местами выкрошились. Рисунки налеплены где попало и как попало. Зато быстро. Недаром в народе подобные листовки очень метко называют «черепичными».

Печатная форма из твёрдого дуба или ещё более твёрдой меди была бы лучше во сто крат. Зато из глины изготовить её во сто крат легче и быстрее. Для «горячих» новостей самое то. До полноценных газет Тассунара ещё не доросла. Зато листовки в островной империи печатают от случая к случаю аж с начала позапрошлого века.

На прямоугольном листе недорогой бумаги резчик Гиян довольно правдоподобно изобразил фрегат «Чёрный лебедь», самый страшный корабль иноземцев. Всё честь по чести и ничего не напутано: три мачты со свёрнутыми парусами, корма приподнята, большое гребное колесо точно посередине борта. Не забыл Гиян нарисовать дым из трубы. Рядом, на отдельных рисунках за тонкими рамочками, шлюпка с шестью гребцами и моряк из Стирии в большой круглой шляпе с длинным ружьём. Главное, Саян поднёс листовку к носу, Гиян сумел передать почти правильные пропорции чёрного корабля. Большая двухмачтовая джонка Морской стражи рядом с фрегатом похожа на игрушечную лодочку.

Второй вариант листовки получился гораздо более правдоподобным. Первый пришлось забраковать и лично разбить глиняную форму о землю. А то вместо подобия чёрного корабля стирийцев резчик Гиян изобразил нечто фантастическое, собственное представление о корабле иноземцев – с крыльями вместо парусов и чёрным дымом из пасти на носу. Было дело, Саян невольно улыбнулся. В гневе выгнал Гияна в порт лично смотреть на корабли иноземцев. Погорячился малость, что не красит уважаемого купца. Но оно того стоило. Вот теперь черепичную листовку можно смело пускать в печать.

То, что визит стирийцев вызвал в Нандине переполох, ещё мягко сказано. С первыми выстрелами из пушек в столице империи сам собой прекратился бунт. Вместо того чтобы с упоением громить ещё не разграбленные магазины и склады, чернь забыла о бунте и побежала в порт глазеть на корабли иноземцев.

Как и в первый раз волны всенародного интереса широкими кругами расходятся от столицы по всей стране. Как бы ни было противно и страшно вновь увидеть чёрные корабли иноземец посреди Нандинского залива, да ещё самый настоящий паровой фрегат, нужно, нужно ловить момент. Стирийцы ещё только убрались к чёртовой матери, а уже полностью готова самая первая черепичная листовка. Очень, очень скоро на неё будет бешеный спрос. Купцы и путешественники повезут по многочисленным городам и доменам Тассунары не только слухи о визите иноземцев, но и рисунки их страшных кораблей.

Ладно, и так сойдёт. Саян опустил пробник на низкий столик перед собой. Ожидать от черепичной листовки большего просто глупо. Прямо под гребным колесом «Чёрного лебедя» Саян поставил подпись.

– Собан, – Саян слегка тряхнул листовку, – сбегай в типографию и передай листовку Вжину. Пусть сразу напечатает, – Саян на секунду задумался, – сто штук.

– Будет исполнено, – помощник вежливо поклонился.

Собан проворно соскочил с деревянного настила и ловко, буквально на ходу, подцепил ногами соломенные сандалии.

Собан Сейшил, самый младший сын Навила Сейшила, богатого покровителя и самого крупного покупателя книг. Парень и в самом деле сообразительный, расторопный и прилежный работник. Он действительно умеет отлично писать и считать. Грамотный помощник пришёлся как нельзя кстати. Буквально с первого же дня Собан взял на себя бухгалтерию типографии, где нужно не столько думать, сколько проворно щёлкать костяшками на соробане и аккуратно вести учёт.

Так, ладно, первая листовка пошла в печать. Что дальше? Из большой чёрной папки Саян вытащил ещё один пробник. На этот раз на ней изображён ни кто иной, как адмирал Кеяк, повелитель иноземцев и, на данный момент, живое воплощение вселенского зла на других берегах по ту сторону моря Окмара и Бескрайнего океана.

Времени и возможностей полюбоваться на чёрные корабли иноземцев было более чем достаточно. Саян так и не сумел сдержать собственного любопытства.

Половина второго дня Седьмого месяца пропала даром. Саян проторчал в порту Нандина несколько часов среди любопытных горожан, ремесленников, торговцев и самураев. А вот увидеть вживую адмирала Кеяка очень мало кому удалось. По этой причине резчик Гиян получил полную свободу действий.

Нужно отдать Гияну должное, Саян разложил перед собой рисунки. Резчик не только отлично и быстро справился с заданием, а нарисовал аж четыре разных портрета адмирала Кеяка. Как на самом деле выглядит предводитель иноземцев – бог его знает. Ну, разве что ещё великий советник и ещё несколько самураев, которые видели адмирала на берегу во время переговоров.

Какой же портрет самого главного злодея выбрать? Саян в задумчивости склонился над рисунками. На первом изображён упитанный боров с пушистыми бровями, двойным подбородком и печальными глазами. Не, не пойдёт: «разорившийся купец» не произведёт на читателей должного впечатления.

В отличие от «купца» второй адмирал Кеяк – тощий и поджарый, с великолепной седой шевелюрой и длинным носом. Нет, Саян улыбнулся, «пьяный комедиант» также не годится. Чем руководствовался Гиян, когда за основу для третьего рисунка взял морду бездомной собаки, пририсовал ей куцую бородку и маленькие ушки, понять сложно. Да и не нужно.

Нижний левый портрет адмирала Кеяка подходит больше всего, Саян подхватил листок двумя пальцами. Конечно, вряд ли предводитель иноземцев в реальности так злобно щурится и трясёт обвислыми щеками, зато пустые глаза и грозная сабля в левой руке точно заставят простых тассунарцев трястись от страха при мысли об иноземцах с других берегов. Этакий нищий самурай, у которого кроме меча и надменности больше ничего не осталось.

– Витус!

От неожиданности Саян вздрогнул, портрет адмирала Кеяка выпал из рук. В приёмный зал вбежал жутко взволнованный Собан. На парне, как говорится, лица нет.

– К вам пожаловал самый настоящий самурай! – на едином дыхании выпалил молодой помощник.

В приёмный зал тотчас вошёл и в самом деле настоящий самурай. Собан едва успел вскарабкаться на деревянный помост и освободить дорогу важному посетителю.

На вид самураю лет двадцать пять, не больше. Чистое, даже юное, лицо и лучезарные глаза. Накидка без рукавов и широкие штаны совсем новые, зато нательное кимоно из самого настоящего шёлка приятного кремового оттенка. За поясом, как и полагается, заткнуты два меча.

Тело среагировало быстрее сознания, Саян тут же вскочил на ноги и поспешил навстречу дорогому посетителю.

– Какое дело, уважаемый, – Саян плюхнулся на колени и низко, касаясь лбом досок настила, поклонился, – привело вас в мою скромную типографию?

Самурай молча скинул сандалии и величественно поднялся на деревянный настил. Грозная катана аккуратно, но звонко опустилась на пол, когда дорогой посетитель сел на квадратную циновку напротив столика.

Саян покосился на незнакомый герб на спине важного посетителя. Что и следовало ожидать: самурай хоть и одет богато, однако не обладает высоким рангом, раз носит подарок благодетеля с его гербом. Скорее всего, посетитель – приближённый какого-нибудь даймё. Все без исключения правители доменов каждый второй год обязаны проводить в столице. Тем более следует вести себя аккуратней. Не слишком богатые, но приближённые к действительно богатым и знатным, самураи, как правило, чаще прочих требуют от простолюдинов знаков внимания и покорности.

– Какая честь! Какая честь! Уважаемый, – Саян присел обратно за рабочий столик.

Важный посетитель молчит и надменно поглядывает свысока. Саян преданно молчит в ответ. Необходимые приветствия произнесены. Согласно этикету более важный посетитель должен заговорить первым.

– Меня зовут Вуш Туяк, – наконец-то произнёс самурай. – Я доверенный помощник даймё Ивлата Ачиана, правителя домена Кирдан. Я прибыл к тебе по поручению моего господина по очень важному делу.

Господи! Неужели дождался? Эмоции фонтаном, Саян из последних сил замер перед важным посетителем с отвисшим ртом. Надежда, радость и чуток неверия расцвели в груди яркими внеземными цветами.

– По какому делу, позвольте узнать? – Саян с трудом выжал из себя вежливый вопрос, от волнения язык едва не встал колом поперёк горла.

– По приказу моего господина я посетил «Иноземную библиотеку» в поисках иноземных книг о больших пушках и ядрах. Даймё Ивлат Ачиан желает с ними ознакомиться. Только, – витус Туяк брезгливо скривился, – в «Иноземной библиотеке» посмели мне отказать в желании купить нужные книги. Их там, видишь ли, и так мало. Зато служители библиотеки направили меня к тебе, Саян-издатель. Они говорят, что у тебя полно иноземных книг на благородном раномату. Это правда?

Точно дождался! Саян плотнее сжал губы, глупый самодовольный смешок едва не прорвался сквозь стиснутые зубы. А то и головы лишиться недолго. Саян покосился на грозную катану на полу по правую руку витуса Туяка. Неуместное веселье как рукой сняло.

Сам того не подозревая, доверенный помощник даймё принёс признание. Самое настоящее признание. Неуместная улыбка вновь едва не растянула губы. Дверь в реальную власть чуть-чуть приоткрылась. До этого момента в этом самом зале для приёмов на этой самой циновке сидели исключительно торговцы и редкие просители. Пусть некоторые из уважаемых купцов имеют право носить за поясом пару мечей, однако ни один из них настоящим самураем никогда не был. А тут скромную типографию «Свет знаний» почтил интересом самый настоящий даймё. Причём не просто заинтересовался книгами с того берега моря Окмара, а проявил интерес к артиллерии, пороху, презренному оружию. Последнее, как не сложно догадаться, напрямую связано с показательным артобстрелом рыбацкой деревушки Рыбий хвост. Господи! Только не дай подло захихикать от радости.

– Да, уважаемый, это правда, – произнёс Саян, голос хрипит от натуги, – у меня есть нужные вам книги.

Саян хлопнул в ладоши, Собан тут же сорвался с места и проворным стрижом выскочил из зала для приёмов. От радости, волнения и страха немного потряхивает, будто ещё до наступления полноценной зимы умудрился замёрзнуть и жестоко простудиться. Возбуждение выступает крошечными бусинками на лбу и стекает по позвоночнику холодными струйками. Ожидание невыносимо! К счастью, не прошло и пары минут, как шустрый молодой помощник с глубоким поклоном положил перед дорогим посетителем стопку книг.

Ох, не зря дорогой покровитель предложил самого младшего сына в помощники. Саян скосил глаза. Сверху яркой надписью сверкает «Теория и практика артиллерийского дела» фатрийца Лерла Азгольда. Витус Туяк неторопливо поднял книгу. Под ней оказалась «Современные плавильные печи» Ортана Вобана. Ещё ниже, судя по корешку, «Математика простая и сложная» Якала Несмана. Ну, молодец! Саян льстиво улыбнулся дорогому посетителю. Сообразительный помощник принёс книги не только по артиллерии, а также по смежным темам.

Каждую книгу витус Туяк рассматривает долго и самым внимательным образом, шелестит страницами и водит указательным пальцем по рисункам и схемам. Самурай ещё только не пробует корешки на вкус. На лице витуса Туяка не дрогнул ни единый мускул. Однако уже потому, что он молчит, а не орёт и не размахивает катаной, можно смело сделать вывод – дорогой посетитель страшно доволен.

От гордости за собственную предусмотрительность, трудолюбие и старание запылали щёки. Саян невольно потёр пальцами правую скулу. До этого самого момента, до этого самого счастливого дня, на иноземные переводы книг по артиллерии и металлургии спроса не было. Вообще не было. Удалось продать лишь несколько экземпляров книги по математике. Семь лет, целых семь лет книга о плавильных печах ждала своего часа на складке. Пять лет, целых пять лет, книга по артиллерии лежала там же без малейших надежд на будущее.

– Сколько ты хочешь за эти книги, – витус Туяк небрежно бросил книгу по математике на стол.

Нервное напряжение прокатилось от кончиков пальцев на руках до кончиков пальцев на ногах. Саян весь подобрался и напрягся. Важный, очень, очень важный момент!

– Дело в том, уважаемый, – осторожно заговорил Саян, – я готов преподнести эти книги и ещё несколько в двух экземплярах уважаемому Ивлату Ачиану в дар в обмен… – тёмно-синий браслет на правой руке под просторным рукавом кимоно напряжённо запульсировал, – на аудиенцию.

Брови витуса Туяка выгнулись от удивления. Грозный самурай мысленно был готов торговаться самым натуральным образом, как торговец рыбой вразнос на Заветной улице.

– С какой стати ты желаешь предстать перед уважаемым Ивлатом Ачианом?

Голос, а особенно интонация самурая, не обещает ничего хорошего. От волнения в горле окончательно пересохло, Саян невольно прокашлялся. Либо сейчас, либо потом и очень, очень после.

– Я очень надеюсь предложить уважаемому Ивлату Ачиану свою помощь в деле создания больших пушек и ядер, как на кораблях проклятых иноземцев.

Самообладание окончательно покинуло витуса Туяка. Молодой самурай вылупился на Саяна, как юноша на обнажённую женщину. Однако доверенный помощник даймё быстро справился с удивлением и грозно сдвинул брови.

– Откуда ты знаешь о желание уважаемого Ивлата Ачиана сделать пушки и ядра, как у проклятых иноземцев? Кто сказал?

Правая рука витуса Туяка выразительно легла обратным хватом на рукоятку катаны. Не дай бог резкий взмах, ножны улетят в одну сторону, а верхняя половинка черепа чересчур наглого купца в другую. Если ещё раньше тёмно-синее лезвие не пробьёт голову самоуверенного самурая навылет.

– Слухи о печальной судьбе деревеньки Рыбий хвост уже облетели Нандин, – Саян отвел глаза от грозной катаны на полу. – Даже здесь, далеко от Нандинского залива, я слышал грохот пушек проклятых иноземцев. Не прошло и половины дня, как меня соизволили навестить вы, доверенный помощник уважаемого Ивлата Ачиана, и спросить книги по иноземным пушками и ядрам.

Вывод прост и очевиден: – Саян всплеснул руками, – уважаемый даймё славного домена Кирдан желает создать современную артиллерию, дабы надавать по шее проклятым иноземцам их же оружием.

Витус Туяк широко улыбнулся. Аж на сердце отлегло, Саян льстиво улыбнулся в ответ. Грозная катана так и осталась лежать на полу в ножнах, а важный посетитель вновь сложил руки на бёдрах.

– А ты умеешь не только деньги считать, а ещё и думать, – витус Туяк усмехнулся. – Хорошо, так и быть: я передам твою просьбу уважаемому Ивлату

Ачиану. Раз у тебя нашлись нужные книги, да ещё отличного качества на великолепном благородном раномату, то ты и в самом деле можешь быть полезен моему господину.

Витус Туяк легко поднялся на ноги. Грозная катана благополучно перекочевала с пола за шёлковый пояс рядом с вакадзаси.

– Всего вам наилучшего, уважаемый, – Саян низко, коснувшись лбом столешницы, поклонился.

Однако не в обычае важных самураев уходя прощаться с простолюдинами. Витус Туяк на ходу подцепил сандалии и вышел из зала для приёмов на улицу. Вскоре ворота типографии «Свет знаний» благополучно захлопнулись за его спиной.

– Слава тебе, господи, – облегчённо выдохнул Саян.

И смех и грех. Уж сколько за долгую, очень долгую жизнь на старичке Мирeме приходилось вершить судьбы народов, стран и могучих империй. Подобные напыщенные посланники влиятельных особ ни раз и не два пятки лизали. Казалось бы, чего их бояться? Ан нет! Вместе с долгой, очень долгой жизнью на Мирeме пришло искусство вживаться в роль простого смертного от кончика носа до левой пятки.

Здесь и сейчас перед витусом Туяком сидел самый настоящий простолюдин, который всеми фибрами души дрожал перед важным самураем и особенно перед его страшной катаной. Лишь в самый критический момент, если бы Вушу Туяку пришло в голову обнажить стальное лезвие, то в смиренном Саяне-издателе в одно мгновенье яркой звездой вспыхнул бы Саян Умелец, Князь мира сего. А подобное бывало и не раз.

– Собан, – Саян повернулся к молодому помощнику, – молодец. Ты принёс именно те книги, которые были нужны. Не желаешь ли полюбоваться на резиденцию уважаемого Ивлата Ачиана, даймё славного домена Кирдан, изнутри?

Собан аж вспыхнул от радости яркой восковой свечкой, щёки покраснели, а губы растянулись в счастливой улыбке.

– Да, витус, – воскликнул Собан.

– Только тогда тебе придётся сыграть роль простого слуги и тащить на себе короб с книгами. А бумажная мудрость весит много.

– Да ради такого не жалко и спину сорвать! – от избытка чувств Собан саданул кулаком по столешнице. – Как говорит мой отец, быть возле власть предержащих не только смертельно опасно, но ещё и выгодно.

– Это точно, – Саян кивнул в ответ.

Ладно, пора вернуться к работе, Саян вновь разложил на столе четыре разных портрета адмирала Кеяка. Какой же выбрать? Однако от возбуждения дрожат пальцы, а от возможных перспектив кружится голова. Саян сгрёб в кучу портреты. Очень, очень, очень хочется верить, что уважаемый даймё примет его предложение. Обзавестись ещё одним покровителем лишним не будет. Витус Туяк, доверенный помощник даймё, главного так и не сказал. Впрочем, оно понятно и так: в окружение императора есть здравомыслящие самураи, которые смотрят на реальность трезвыми глазами. Важные, очень важные реформы барабанят в дверь руками и ногами. Хотя назвать их реформами будет покривить против истины. Тассунаре предстоит пройти через очень болезненную, мучительную и кровавую ломку привычного образа жизни. Время блаженной самоизоляции вот-вот закончится.

О результатах переговоров с иноземцами власти хранят упорное молчание. В Тассунаре не принято давить на правительство через либеральные газеты и требовать немедленного ответа. За подобное можно в прямом смысле лишиться головы. Однако слухи всё равно просачиваются из императорского дворца,

подобно воде сквозь щели сухой бочки. Адмирал Кеяк дал Тогешу Лингау, десятому императору Тассунары, на раздумья целый год.

Скорее всего, Саян поднял портрет адмирала Кеяка с обнажённой саблей в левой руке, так оно и будет. Тассунара либо «откроется» добровольно, либо пушки чёрных кораблей «взломают» её. Второй вариант, как не сложно догадаться, означает самую настоящую войну.

Глава 9. Азы артиллерии

Это в Западном пределе, в районе простых ремесленников и мелких торговцев, дома, мастерские и лавки громоздятся друг на друге, словно сельди в дубовой бочке. В Верхнем Тинтане столичные резиденции даймё так же тянутся плотными рядами вдоль улиц, но ощущения скученности, тесноты и давки нет и в помине. Саян с интересом закрутил головой. А всё потому, что в этом аристократическом районе Нандина живёт гораздо меньше людей, резиденции даймё гораздо просторней и больше похожи на усадьбы, нежели на дома.

Говорят, внутри каждой резиденции между внешним забором, сараями, домиками для прислуги и центральным домом в обязательном порядке разбит парк. Цветущая сакура, густые кроны дубов и клёнов дают приятную прохладную тень и тишину. Вот и представился случай узнать, как оно на самом деле, или людская молва, как обычно, преувеличивает и приукрашивает реальность.

Собан Сейшил, молодой помощник в новом хлопковом кимоно, старательно и с достоинством тащит на спине тяжёлый короб. Сверху, из-под белой рогожи, проглядывают корешки книг. Юноша упирается, старается идти прямо, только всё равно заметно, как под тяжестью книг прогибаются его плечи, а на груди темнеет треугольное пятно пота. Саян вытащил из кармана белый платок и в очередной раз смахнул со лба обильную испарину. И дело не только в том, что для середины осени денёк выдался более чем жаркий. Сильнее Геполы голову пекут сильные эмоции. Да, пожалуй, Саян глянул под ноги, ещё и дорога в гору.

Когда в 1207 году по летоисчислению Тассунары, или в 5449 году по календарю Марнеи, Уотин Лингау завершил объединение страны и провозгласил Великий мир, то первым делом основатель ныне правящей династии приказал всем даймё, владельцам доменов, построить в столице свои резиденции. Так возник Тинтан, самый богатый, самый престижный район Нандина рядом с императорским дворцом. Пинпаерская улица и Имперский проезд делят его на четыре части: на Южный, Северный, Восточный и Западный Тинтан соответственно.

Но не все даймё сразу признали власть новой династии. Потребовалось несколько десятилетий, прежде чем даже самые отдалённые домены вошли в состав империи, а их даймё построили в Нандине свои резиденции. Только к тому моменту в Тинтане совсем, совсем не осталось свободного места. Тогда Уотин Лингау приказал даймё строиться на склоне Огаялского отрога, у подножья которого раскинулся Нандин. Так возник пятый, Верхний Тинтан. И по этой причине дорога всё время идёт в гору.

– Передохнём? – Саян остановился возле маленькой каменной скамейки в тени высокого кедра.

– Не стоит, витус, – Собан сипит от натуги. – Насколько я знаю порядки даймё со слов отца, нам всё равно придётся долго ждать. Вот заодно и отдохну.

– Хорошо, – Саян улыбнулся, – будь по-твоему.

Пусть склон Огаялского отрога не настолько крутой, однако временами приходится подниматься по самым настоящим лестницам. Зато с каменных ступенек открывается великолепный вид на город и простор Нандинского залива.

Выходить из-под тени раскидистого кедра так не хочется, но надо. Саян тихо вздохнул. От волнения покалывает кончики пальцев и подгибаются ноги. Предыдущие двенадцать лет жизни в Тассунаре, типография, своё дело, даже богатство, не более чем ключ к самому главному – к высшей власти. Если говорить образно, то сейчас этот ключ в кармане даймё Ивлата Ачиана.

Это в демократической Стирии богатый человек отличается от бедного лишь сотней-другой тысяч дунгов на банковском счёте. В Тассунаре между бедным и богатым в первую очередь лежит сословная пропасть. Сам факт, что даймё Ивлат Ачиан примет простолюдина Саяна-издателя в своей резиденции, говорит очень и очень о многом. Хотя бы о том, что Вжин-печатник, первый мастер «Света знаний», неделю, не меньше, будет хвастаться друзьям и собутыльникам о том, как высоко, понимаешь, поднялся его хозяин.

Как даймё Ивлат Ачиан имеет свободный доступ во дворец императора и право заседать в Большом совете. Уже только по этой причине он знаком со всеми прочими даймё Тассунары, высшими чиновниками и самим императором Тогешем Лингау. Ещё важный момент: Ивлат Ачиан владеет доменом Кирдан, одним из двух, который не погряз в долгах. Сам факт того, что уважаемый даймё умудряется сводить концы с концами, не превышать расходы над доходами, говорит о его понимании важности и первичности сельского хозяйства, ремесла, торговли и экономики в целом.

Был риск, очень большой риск, навлечь на себя гнев высокопоставленного самурая. Приближённые Ивлата Ачиана могли бы запросто вломиться в типографию и взять нужные книги силой. Подобные случаи бывали и не раз. К счастью, буквально на следующий день после визита витуса Туяка, слуга, откормленный и наглый детина в шёлковом кимоно, принёс приглашение от Ивлата Ачиана. В тот же вечер Саян зажёг на домашнем алтаре Великого Создателя сразу пять свечей.

Наконец за поворотом на очередном перекрёстке показалась резиденция даймё домена Кирдан. Вместо забора вдоль улицы тянется высокая стена без окон то ли сарая, то ли склада, то ли конюшни. Сверху небольшим козырьком нависает крыша. Точно посередине резиденции между торцами двух длинных домов оставлено место для высоких массивных ворот. Именно через эти парадные ворота уважаемый Ивлат Ачиан въезжает или покидает резиденцию. Только для столь ничтожных просителей никто не будет распахивать их настежь. Для этого существует небольшая, но не менее массивная и крепкая калитка.

Даже не верится! Саян засопел, от волнения дыхание сделалось глубоким и трудным. Двенадцать лет. Целых двенадцать лет упорного труда, льстивых улыбок перед оптовыми покупателями и витусом Сунбатом, ёрики Западного предела. И все это ради сегодняшнего дня.

Сила воли ярким сгустком света собралась в правом кулаке. Саян вежливо, правда, немного нервно, постучал в калитку. Небольшое окошко на уровне глаз тут же распахнулось. В квадратном проёме показалась упитанная физиономия слуги уважаемого даймё. Льстивая мина на тщательно выбритом лице в мгновенье ока превратилась в надменную морду.

– Кто такие? Чего надо? – бросил, словно плюнул, привратник.

– Саян-издатель, прибыл по приглашению витуса Ивлата Ачиана с преподношением уважаемому даймё.

В ответ привратник пробурчал что-то невнятное. Окошко захлопнулось, зато сразу зашуршал сдвигаемый в сторону засов. С лёгким скрипом калитка отворилась.

– Проходите, – буркнул привратник.

Слуга у ворот всем своим видом выражает презрение и высокомерие. Он бы с превеликой радостью вооружился палкой и прогнал бы взашей парочку простолюдинов, но нельзя. Просители к самому даймё.

Обычное дело, Саян переступил через высокий порог. В слуги к высокопоставленным самураям, как правило, попадают простые деревенские парни, которые до этого пропалывали посевы риса и таскали на поля фекалии из придорожных туалетов. В собственных глазах они тут же поднимаются из грязи в превеликие князи и всячески демонстрируют собственное превосходство. Естественно, только над такими же, как и они сами, простолюдинами. При виде пары мечей за поясом этот же привратник в один момент превратится из надменного господина обратно в раболепного слугу.

Как бы то ни было, надменный привратник провёл их по каменной дорожке в глубь сада. Возле небольшой беседки специально для просителей слуга велел ждать и удалился с важным видом.

Слухи подтвердились, Саян присел на край деревянного настила и выпрямил ноги. Внутри резиденции даймё и в самом деле разбит чудесный парк. Высокие акации укрывают беседку и каменную дорожку приятной тенью. Сквозь листья на восточной стороне проступают крыши и стены центрального дома даймё. Строить на склонах гор несколько сложнее и дороже, зато дома получаются более высокими и величественными.

– Витус, – Собан уставился на крышу и стену резиденции, на лице парня расцвёл неподдельный интерес, – увидим ли мы внутреннее убранство дома уважаемого даймё?

Саян невольно улыбнулся. Собан Сейшил вырос в богатейшей семье Нандина. Только среди торговцев и менял, даже самых состоятельных, превыше всего ценится скромность. Да и опасно простолюдинам выставлять на всеобщее обозрение собственное богатство. Так что сморкаться в шёлковые платочки и вкушать золотыми палочками для еды суши из тунца Собану не пришлось. Вот и хочется молодому помощнику, жуть как хочется, увидеть, как живут не просто богатые, а знатные самураи, которые не только не стесняются выставлять собственное богатство на всеобщее обозрение, но и всячески подчёркивают его.

– Скорее всего, нет, – честно ответил Саян. – Погода сегодня великолепная. Уважаемый даймё, скорее всего, находится в саду, в тишине и прохладе.

Собан ничего не ответил. Лицо помощника пошло красными пятнами. Волнуется Собан, ещё как волнуется. В своей недолгой жизни он впервые прикоснулся к роскоши власти. Во внутреннем дворе его отца растёт лишь несколько деревьев сакуры, и близко нет такого великолепия, что окружает его сейчас. Дорожка из гранитных плиток чего только стоит.

Да чего уж там! Саян мысленно махнул рукой. Он и сам чувствует себя не в своей тарелке. Только присутствие подчинённого заставляет сохранять на лице невозмутимое и чуть отстранённое выражение. А то впору хлопать от восторга глазами и нервно крутить головой.

То, что уважаемый даймё обещал их принять, – очень хорошо. А то ведь может и не принять, элементарно передумать. Тот же наглый привратник с превеликим удовольствием может приказать оставить книги вместе с коробом и убираться вон из сада.

Механические часы изобретены давно. Возможно, у Ивлата Ачиана даже есть парочка из Фатрии или Гилкании для украшения комнат. Плохо то, что в Тассунаре до сих пор не существует чёткого и однозначного деления времени на часы. Как и тысячу лет назад, день от восхода Геполы и до заката, а ночь от заката и до восхода делится на шесть часов. Ну а так как в течение года световой день и ночь то становятся больше, то меньше, вместе с ними то растягиваются, то сжимаются дневные и ночные часы.

В приглашении, что принёс слуга, было указано время – к началу третьего дневного часа. Как простым просителям им пришлось прийти заранее с большим запасом. И сколько теперь им придётся ждать? После чётких и однозначных двадцати четырёх часов Марнейской империи к местным часам пришлось привыкать долго и упорно. Хорошо, что колебания в продолжительности тассунарских часов не столь заметны, чтобы возникла острая необходимость учитывать ещё и их. В отличие от тех же фатрийцев или стирийцев, тассунарцы до сих пор живут куда как более размеренно и никуда не торопятся.

– Господи, – Саян повернулся лицом к помощнику, – Собан, ты чего стоишь? Снимай короб и присаживайся.

То ли от волнения, то ли от обилия впечатлений, Собан так и замер в полусогнутом положении с плетёным коробом на спине перед беседкой.

– Благодарю вас.

Молодой помощник с неописуемой радостью опустил короб на землю и присел рядом на край деревянного помоста. Только зря, как тут же выяснилось.

На гранитной дорожке показался ещё один упитанный слуга с надменной рожей в дорогом шёлковом кимоно. Кажется, он только и ждал, пока просители переведут дух и присядут в приятной тени беседки для отдыха и долгого ожидания.

– Уважаемый Ивлат Ачиан, даймё домена Кирдан, – голос слуги звенит от собственной важности, – так и быть примет вас. Следуйте за мной.

Надменный слуга тут же потопал в глубь сада. Саян вскочил на ноги. Собан едва успел накинуть на плечи плетёный короб с книгами.

Через два десятка метров слуга остановился перед более просторным, дорогим и уютным павильоном. Квадратная крыша с красной черепицей покоится на четырёх квадратных столбах. Внутри на деревянном настиле на небольшом возвышении сидит сам Ивлат Ачиан, здоровый крепкий мужчина лет пятидесяти. Широкое лицо, глубоко посаженные глаза. Просторный лоб выдаёт в витусе Ачиане большой ум, а острые скулы и квадратный подбородок волевой характер и привычку командовать. Для столь высокопоставленного самурая на даймё лишь простое шёлковое кимоно. Вакадзаси, короткий меч, как и полагается, заткнут за чёрный с золотой вышивкой пояс. Катана, более длинный меч, покоится рядом на небольшой деревянной подставке.

На низеньком столике перед даймё расставлен набор для чаепития. Белоснежный фарфоровый чайник с голубым орнаментом и две чашки. Приятный аромат крепкого чая витает в воздухе. Разделить чаепитие уважаемый даймё пригласил уже знакомого Вуша Туяка. Доверенный помощник сидит на квадратной циновке по другую сторону низенького столика. Как и господин, витус Туяк одет по-домашнему в простое хлопковое кимоно.

Саян подошёл ближе к деревянному настилу и низко, касаясь лбом прохладной плитки, поклонился уважаемому даймё. Рядом, скинув плетёный короб на землю, упал на колени молодой помощник. В ответ витус Ачиан коротко кивнул.

– Добрый день, уважаемый, – Саян ещё раз низко поклонился, – для меня большая честь преподнести вам в дар результаты моих скромных трудов.

– Давай, – витус Ачиан щёлкнул пальцами.

Молодой помощник тут же выложил перед даймё стопку книг и с поклоном отошёл назад. Витус Ачиан небрежно, словно перед ним деревянная плошка с водой, подцепил верхнюю книгу. Саян напрягся. Ещё дома они договорились с Собаном положить самой первой «Теорию и практику артиллерийского дела» Лерла Азгольда. Первое впечатление самое важное.

Витус Ачиан – опытный придворный. На его лице не дрогнул ни один мускул. Рад уважаемый даймё получить такой подарок или нет – бог его знает. Спокойно,

словно перед ним скучный отчёт от управляющего поместьем, даймё распахнул книгу. Всё в той же благочестивой тишине витус Ачиан пролистал «Теорию и практику артиллерийского дела», «Современные плавильные печи» и прочие книги. Однако по тому, как уважаемый даймё долго и внимательно просматривает каждый бумажный томик, можно надеяться, что подарок ему понравился.

– Я доволен, Саян-издатель. – витус Ачиан положил последнюю книгу на пол перед собой. – А теперь скажи, зачем ты так хотел встретиться со мной лично?

Господи, господи, только бы не захрипеть от натуги. Саян нервно сглотнул. Или сейчас, или никогда!

– Я хотел лично встретиться с вами, – голос предательски дрожит, – чтобы предложить вам мои услуги по созданию современной артиллерии и современной армии вообще, дабы громить проклятых иноземцев их же оружием.

Витус Ачиан еле заметно дёрнулся от удивления. Не иначе уважаемый даймё никак не ожидал услышать подобное от простолюдина.

– Какие именно услуги ты можешь предложить мне? – с прежним спокойным и чуть отстранённым выражением на лице спросил витус Ачиан.

Былые страхи и неуверенность вмиг отпустили, Саян улыбнулся самыми кончиками губ. Раз катана витуса Ачиана так и осталась лежать на деревянной подставке, значит уважаемый даймё решил не гневаться. В Тассунаре от простолюдинов требуется только одно – быстро и тщательно исполнять приказы, думать им не полагается вовсе. Это привилегия самураев. Хороший признак, даже больше – разговор перешёл к конкретным деталям и подробностям.

– Одного желания и толковых книг мало, – с гораздо большей уверенностью заметил Саян. – Нужна помощь самих иноземцев.

Витус Туяк, доверенный помощник даймё, выразительно глянул на витуса Ачиана.

– Иноземцы продажны, – поспешно уточнил Саян. – Я вполне могу направиться в Давизун, договориться с иноземными купцами и уже через них купить точно такие же большие пушки и ядра, что были на чёрных кораблях стирийцев в Нандинском заливе.

– Разве такое возможно? – на лице молодого самурая большими красными буквами читаются сомнения.

– Да, витус, – Саян склонил голову. – Иноземные купцы сразу же догадаются, против кого именно будут направлены жерла больших пушек и в кого именно полетят тяжёлые ядра, только жажда золота затмит их чувство долга, если такое у них вообще есть. Там же, в Давизуне, можно будет нанять толкового морского артиллериста. Нанять нужных ремесленников, металлургов и строителей, будет несколько сложнее, но, думаю, тоже без особых проблем.

Витус, поверьте мне, – Саян преданной собачкой уставился на высокопоставленного самурая, – проклятые иноземцы сами помогут вам построить современные плавильные печи, отлить огромные пушки и научить ваших доблестных самураев стрелять из них. Главное – деньги.

Грани окружающей действительности мелко-мелко мерцают перед глазами. Предложение сделано, теперь ход за Ивлатом Ачианом. Здесь и сейчас ни много ни мало вершится история, закладывается будущее Тассунарской империи. От решения даймё зависит, чем именно в ближайшем будущем станет островная империя: молодым капиталистическим хищником или жалкой полуколонией под пятой жадных стирийцев.

Витус Ачиан глубоко задумался, на его широком лбу собрались многочисленные складки. Что?! Что он ответит? Саян мысленно скрестил пальцы на удачу.

– Признаться, – медленно протянул витус Ачиан, – твои слова, Саян-издатель, предугадали мои мысли. Это радует.

Превеликий Создатель! Саян на миг закрыл глаза и тихо выдохнул. Неужели сработает? Страшно поверить. Ещё страшнее обломаться.

– Ты предлагаешь разумные дела, – продолжил даймё, – только для их воплощения нужны деньги. Много денег. Готов ли ты, Саян-издатель, распахнуть свой кошелёк?

Вопрос с подвохом. Он же проверка.

– Витус, я готов стать посредником между вами и давизунскими купцами без какого-либо вознаграждения. Я готов предоставить нужные книги по математике, баллистике, географии и прочим наукам по весьма разумным ценам. Только я не могу делать прямые денежные взносы, – Саян глянул даймё прямо в глаза. – У меня нет земли. У меня нет крестьян. Я плачу налоги нашему любимому императору и живу исключительно с печати и торговли книгами.

Витус Ачиан улыбнулся. Искренний и прямой ответ понравился даймё.

– Я ценю в людях честность, – ответил витус Ачиан. – Было бы гораздо хуже и подозрительней, если бы ты, Саян-издатель, взялся бы помогать мне совершено бесплатно.

Создание армии и оружия не хуже, чем у проклятых иноземцев, требует денег. Много денег. Но я готов к этому, – продолжил витус Ачиан. – Проблему денег прежде мне нужно обсудить с моими приближёнными, иначе можно глупо разориться. А сейчас, Саян-издатель, скажи: в чём твой интерес? Почему ты добровольно вызвался стать посредником?

Тассунарцы умеют хитрить и пускать пыль в глаза почище фатрийских купцов, у которых совести нет вообще. Но если нужно, тассунарцы умеют говорить честно и прямо. Великое дело негоже начинать со лжи. Саян внутренне собрался и сел прямо. Ради этого разговора больше двенадцати лет назад он выпрыгнул из иллюминатора брига «Волнорез» в бурное море Окмара и стал подданным тассунарского императора.

– Страх, уважаемый, – честно ответил Саян. – Страх перед иноземцами. Я прекрасно осведомлён о тех злодеяниях, что творят они на землях Гунсара и особенно на землях Рюкуна на том берегу моря Окмара. Я не хочу, чтобы Тассунара разделила и повторила их судьбу.

Сейчас нами правит мудрый император Тогеш Лингау, который оберегает и направляет нас, своих подданных. Я не хочу платить налоги иноземному губернатору, которому будет плевать на меня. С другой стороны, передо мной открываются великолепные возможности для развития моего дела.

– Это ещё какие? – тут же спросил витус Туяк.

Доверенному помощнику даймё далеко до выдержки и мудрости витуса Ачиана.

– Перед вами, – Саян показал на стопку возле ног даймё, – лежат книги, каких больше нет ни у кого во всей Тассунаре. В «Иноземной библиотеке» и в личном собрании самого императора в лучшем случае можно найти подобные на иноземных языках, но только не на благородном раномату.

Я монополист, витус. Когда в тассунарцах проснётся интерес к достижениям иноземцев, то купить их книги на родном языке они смогут у меня и только у меня. Я предвижу и предрекаю этот интерес.

– Откуда у тебя книги иноземцев на благородном раномату? – витус Ачиан подозрительно сощурился.

– Витус, – Саян поклонился, – Великий Создатель одарил меня способностью запоминать языки иноземцев. Вот уже двенадцать лет я покупаю книги у иноземцев в Давизуне и сам перевожу их на благородный раномату.

Как истинный придворный витус Ачиан остался невозмутимым, а вот на щеках его доверенного помощника выступил лёгкий румянец. Наконец и до витуса Туяка дошла важность момента.

– Хорошо, – витус Ачиан коротко кивнул, – я принимаю твои услуги. Приходи через неделю, когда я смогу дать тебе более конкретные указания и скажу сумму, которую ты сможешь предложить иноземцам.

– Лучше сразу нанять их лет на пять, не меньше, – осторожно заметил Саян.

– Хорошая мысль, – легко согласился витус Ачиан. – А теперь можешь идти.

– Благодарю вас, витус, – Саян ещё раз коснулся лбом гранитной плитки и поднялся на ноги. – Я сделаю всё, что в моих силах, дабы оправдать ваше высокое доверие.

Аудиенция закончена, разрешение уйти получено. Тот же надменный слуга проводил их до калитки и чуть ли не в прямом смысле вытолкал на улицу. Деревянная калитка смачно треснула за спиной. Хлопок пушечным выстрелом прокатился по пустынной улице.

В каком бы благодушном настроение ни был бы даймё в момент расставания, однако лучше убраться от его резиденции подальше. Лишь через сотню-другую метров на перекрёстке Саян на пару с молодым помощником присел на маленькую каменную скамейку в тени дуба возле ручья.

– Признаться, витус, – Собан осторожно опустил пустой короб на пыльную землю, – я жутко испугался, когда вы предложили уважаемому Ивлату Ачиану свои услуги. Думал, он лично отрубит нам головы.

Понять, о чём именно толкует молодой помощник, не сложно. Порох, пушки, ружья и огнестрельное оружие в целом в Тассунарской империи считается презренным. Самураям, словно ёрш поперёк горла, претит мысль, что тёмный простолюдин с мушкетом может противостоять на равных урождённому самураю, который потратил всю жизнь на благородное искусство фехтования. Из-за чего за две с половиной сотни лет огнестрельное оружие в Тассунарской империи пришло в полный упадок.

– Была такая возможность, не будут отрицать, – Саян склонился к ручью.

Прямо ладонью Саян зачерпнул прохладную влагу. На вкус горная вода подобна мёду, особенно если Гепола висит высоко в небе и поливает землю зноем.

– Была, – Саян вытер руки прямо о кимоно, – только вряд ли нам довелось бы расстаться с головой прямо в парке уважаемого даймё. Этикет для того и существует, чтобы не дать повод самураю испробовать на простом просителе заточку своей катаны. Витус Ачиан – мудрый человек.

Только мысли молодого помощника блуждают где-то далеко, гораздо дальше павильона в саду даймё Ивлата Ачиана.

– Витус, – Собан смутился, как девушка при виде жениха, щёки помощника запылали красным, а глаза упёрлись в землю, – вы… вы возьмёте меня с собой в Давизун? Очень, очень прошу.

Последнюю фразу Собан выпалил на одном дыхании.

– Нет, Собан, – мягко, но твёрдо ответил Саян. – Ты останешься в типографии за меня. Вжин прекрасно разбирается в печатном деле, однако без соробана он не сможет пересчитать даже собственные пальцы на руках. Не говоря уже о правилах вежливости, если ему вдруг придётся разговаривать с покупателем.

Тяжёлый вздох сорвался с губ Собана. Пусть его отец – один из богатейших людей Нандина, однако за пределами столицы он никогда не был. В Тассунаре ни один простолюдин или торговец не может позволить себе путешествовать по стране удовольствия ради.

– Не расстраивайся, Собан, – Саян ласково похлопал молодого помощника по плечу, – у тебя ещё будет возможность посмотреть не только Тассунару, но весь большой-пребольшой мир по ту сторону моря Окмара и Бескрайнего океана.

– Большой-пребольшой мир? – лицо Собана вытянулось от удивления.

– Да, Собан, большой-пребольшой мир, – произнёс Саян. – Какой бы высокой и прочной ни была бы земляная плотина на ручье, но если через её край перебралась хотя бы одна тоненькая струйка, значит рано или поздно вода разрушит плотину. Блаженная самоизоляция берегла Тассунару больше двух с половиной веков. Но, увы, её время почти закончилось. Иноземцы – та самая тоненькая струйка, которая уже перебралась через верх земляной плотины. Топором и мечом стирийцы почти выломали входную дверь в наш дом.

– Будь они прокляты, – тихо произнёс Собан.

Как урождённый тассунарец Собан считает самоизоляцию родной страны высшим благом, которое завещали им мудрые предки.

– Посмотри на это с другой стороны, Собан, – Саян тепло улыбнулся, – раз иноземцы не оставили нам выбора, то остаётся только принять вызов. А заодно воспользоваться всеми благами и достижениями большого-пребольшого мира.

Глава 10. Старый знакомый

Нос джонки, большой двухмачтовой джонки с прямоугольными парусами, мягко ткнулся в подгнившее бревно причала. Матросы лихо перебросили с борта джонки трап, длинный и широкий щит из толстых досок. Как пассажир Саян первым сошёл на берег. За спиной тут же раздался голос купца Рогана, капитана и владельца джонки с романтическим названием «Чайка».

Господи! Саян оглянулся вокруг, за двенадцать лет Давизун, маленький портовый город, ничуть не изменился. Всё та же крошечная гавань длиной от силы в три километра. Поодаль единственный большой причал для морских судов всё так же держится на честном слове, к тому же совершенно пустой. Лишь в этой части порта, где швартуются тассунарские джонки, жизнь бьёт ключом. Грузчики, крепкие парни в коротких кожаных куртках и штанах, словно трудолюбивые муравьи, перетаскивают многочисленные тюки, мешки и бочонки из джонок в прибрежные пакгаузы и обратно. Как ни странно, несмотря на долгую самоизоляцию, в Тассунаре необычайно развито каботажное мореходство.

После блистательной столицы Давизун как никогда кажется маленьким заштатным городком, где даже курам надоело копаться в пыли и купаться в золе. Сразу за портом тянутся маленькие сплошь одноэтажные дома с серыми черепичными крышами. Слева, на взгорке, небольшая каменная крепость. Да-а-а…, Саян покачал головой, после императорского дворца она кажется маленьким зачуханным фортом, хотя именно там живёт витус Сард, даймё домена Сендас.

Никак не верится, что Давизун – центр всей внешней торговли Тассунары. Причём центр единственный. Хотя, Саян невольно улыбнулся, по причинам крошечной бухты и малого количества жителей Мемгар Лингау и разрешил фатрийским и марнейским купцам торговать только здесь и нигде более. Хотя Нандинский залив куда как более подходит для швартовки океанских судов в большом количестве.

– Витус, куда теперь? – следом на берег сошёл слуга Киман, или Киман-дубинка.

Вообще-то, Киман не слуга, а работник типографии. Здоровенный парень тридцати лет отроду. Умом не блещет, зато силен физически. В типографии ему традиционно достаётся самая тяжёлая работа из разряда «подай, принеси, переставь и руками не трогай»: перетаскать кипы с бумагой, ящики со шрифтом, воды натаскать или выгнать взашей наглого попрошайку. В Давизун Саян взял Кимана в качестве слуги и охранника. Короткая шипастая дубинка на поясе работника сама по себе отпугнёт любителей пощипать карманы далеко не самого бедного торговца.

– «Бронзовый чертог», постоялый двор на Дощатой улице. Знаешь такой? – Саян повернулся к слуге.

– Нет, витус, – прогудел Киман-дубинка. – Я дальше Нандина никогда не хаживал.

– Ничего страшного, – Саян улыбнулся, – я знаю.

При желании вполне можно остановиться в гораздо более известном «Золотом чертоге». Кухня там хорошая, а сакэ просто великолепно, только официантки приносят такие счета! Не к лицу торговцу, пусть даже из самого Нандина, сорить деньгами.

Киман-дубинка преданным сторожевым псом топает сзади. Огромный плетёный короб за его спиной слегка пошатывается из стороны в сторону. Специально для этой поездки Саян купил ему новое кимоно из конопли. От чего Киман пришёл в неописуемый восторг и долго, долго благодарил за обновку.

Сразу за портом потянулись хорошо знакомые улочки Давизуна. Ничегошеньки не изменилось. Та же самая толпа крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Единственное, Саян покрутил головой, надменных самураев гораздо меньше.

Был страх, что уважаемый даймё передумает тратить деньги на ветер. Однако через неделю спесивый слуга и в самом деле принёс ещё одно приглашение от Ивлата Ачиана. На второй встрече в той же самой беседке в саду Саян получил более конкретные указания от даймё и, самое главное, узнал сумму, которой может располагать для найма иноземных ремесленников и покупки пушек. На следующий день Саян оставил Собану Сейшилу, молодому помощнику, большой список ценных указаний и немедленно отправился в Давизун.

Трёхдневное плаванье на двухмачтовой джонке трудно назвать приятным путешествием. Да она и не предназначена для перевозки пассажиров, комфорта на ней минимум. Все три дня и четыре ночи пришлось довольствоваться тонким матрасом-футоном и небольшим навесом на корме. И это ещё роскошь. Тому же Киму пришлось спать прямо на мешках с рисом. Путь по суше в тряском паланкине был бы ещё хуже, ещё утомительней и на четыре дня больше.

Стыдно вспоминать, Саян грустно улыбнулся. Когда показалась бухта Давизуна, то сердце от страха покрылось толстым слоем льда. Всё казалось, будто первый же портовый грузчик тут же опознает в нём иноземца, вцепится костлявыми пальцами в рукав кимоно и заверещит дурным голосом на весь порт. Пусть за всю историю Тассунары ещё ни одному иноземцу не пришло в голову нелегально стать подданным тассунарского императора, только в исходе скорого судебного разбирательства можно ничуть не сомневаться – смертная казнь на Куриной площади. Закончить свою жизнь в петле или в мастерской мастера-оружейника никак не улыбается. Как-то не хочется, чтобы какой-нибудь не слишком богатый и родовитый самурай проверил на тебе остроту нового клинка.

Недавний визит стирийцев в Нандинский залив не добавил иноземцам любви. Как рассказал Роган, владелец джонки «Чайка», на обратном пути чёрные корабли стирийцев заглянули и в Давизун. Самый страшный колёсный фрегат «Чёрный лебедь» вошёл в бухту и остановился недалеко от берега. Проклятый иноземец сначала подождал, пока на набережной скопится побольше народу, а потом как жахнул из всех пушек по левому борту! В результате массовой паники под ногами сограждан погибло не меньше сотни человек. Как не сложно догадаться, власти Давизуна не откажутся от счастливой возможности разоблачить и публично казнить коварного иноземца.

Дорога через Давизун развеяла последние страхи и сомнения. Мимо Саяна прошло несколько сотен горожан, в том числе с десяток местных торговцев,

однако его так никто и не опознал, не схватил за рукав кимоно и не заорал дурным голосом.

В «Бронзовом чертоге» Саян снял небольшую комнату. Маленькую совсем, три на четыре метра. Общий туалет в коридоре. Зато недорого, всего десять медных дзэни в день. Для небогатого издателя и торговца в самый раз.

– Киман, – Саян присел на циновку возле низкого столика, – помнишь, рядом с портом мы проходили мимо Иноземного района и я специально показал тебе марнейскую факторию?

– Да, витус, – Киман-дубинка осторожно опустил тяжёлый короб в угол комнаты.

– Найти сумеешь?

– Да витус.

– Отлично. Тогда достань из короба бумагу и набор для письма. Отнесёшь витусу Райдену, это владелец марнейской фактории, моё письмо.

В коротком послании на марнейском языке Саян пригласил бывшего нанимателя на встречу в чайную «Зелёный лист» недалеко от главного рынка Давизуна. Если, конечно, Ридоу Райден в добром здравии и всё ещё ведёт торговые дела от имени марнейских купцов.

«Зелёный лист» – самая обычная чайная, которых в Давизуне не один десяток. Зато у неё есть одно очень важное преимущество. В небольшом саду на заднем дворе можно снять одну из пяти маленьких беседок. Широкие кусты сирени словно живые шуршащие стены скрывают посетителей «Зелёного листа». Здесь можно в относительной тишине и одиночестве поговорить с нужным человеком без страха, что кто-то случайно заметит тебя или услышит.

Саян, словно статуя, сидит в маленькой беседке на деревянном настиле перед низеньким столиком. На столешнице чашка чая и маленькая рисовая булочка на прямоугольной деревянной подставке. Ожидание может затянуться, а вместе с ним и нервное переживание. В голове старым скрипучим колесом вертится одна и та же мысль: придёт витус Райден или нет?

Купец Ридоу Райден родился и вырос в Марнее. В Тассунарскую империю его завели торговые дела и неоплатные долги на родине. Вряд ли он тут же побежит к местным полицейским сдавать так резко и так неожиданно воскресшего подчинённого. Да и лет прошло немало. О Саяне Яргиче Ингале, молодом марнейце, который в совершенстве выучил благородный раномату и носил тассунарскую одежду, все давно благополучно забыли.

В проходе между кустами сирени раздались грузные шаги и стук деревянных гэта. Не может быть! Саян вылупил глаза. На входе в беседку показался витус Райден.

– Добрая дня, увжаемая, – витус Райден неуклюже поклонился.

– И вам всего наилучшего, – машинально ответил Саян.

Трудно поверить. Правила приличия из головы вон. Саян самым некультурным и невоспитанным образом уставился на витуса Райдена.

За двенадцать лет Ридоу Райден заметно постарел, погрузнел и потолстел. В некогда чёрной шевелюре в изобилии завелись седые прядки. А вот что в нём осталось без изменений, так это широкие плечи и сильные руки. Отец Ридоу Райдена землю в Диосанской губернии пахал. От родителя уважаемый купец унаследовал фигуру крестьянина-простолюдина, немного квадратную и массивную, зато жилистую.

Но это ладно. Больше всего поражает другое. На плечах витуса Райдена самое настоящее тассунарское кимоно из хлопка приятного кремового цвета, а на ногах таби (тассунарские носки с завязками на голени). На встречу в «Зелёный лист» уважаемый купец пришёл в самых настоящих гэта, в башмаках на

деревянной подошве с высокими подставками. Будто и этого мало! Витус Райден поздоровался пусть на дурном, но на самом настоящем раномату.

Двенадцать лет назад Ридоу Райден люто ненавидел всё тассунарское. Местным слугами и торговцам приходилось учить марнейский, ибо уважаемый купец наотрез отказывался учить хотя бы низкий раномату, грубоватый и примитивный язык простолюдинов.

– Мы вас знать, увжаемый? – витус Райден щурит глаза и морщит лоб.

Маленькое, но очень приятное открытие, Саян улыбнулся. Раз витус Райден не узнал в нём бывшего переводчика, значит, в Давизуне больше никто не узнает и не вспомнит марнейца Саяна Ингала.

Как и полагается тассунарцу, Саян низко, касаясь лбом прохладных досок настила, поклонился и тут же перешёл на марнейский.

– Уважаемый Ридоу Райден, неужели вы не узнаёте меня?

– Ты владеешь марнейским? – витус Райден удивлённо дёрнулся.

– Да, уважаемый, – Саян машинально поклонился.

– Ладно, тем лучше.

Витус Райден принялся щурить лоб и тереть правый висок пальцами.

– Зуб даю, – громогласно произнёс витус Райден, – я знал тебя раньше. Только, хоть убей, не помню, когда и при каких обстоятельствах.

Признание купца – словно целительный бальзам на израненную душу. Не, теперь точно можно посещать Давизун без страха за собственную жизнь.

– Всего три слова, уважаемый, освежат вашу память, – Саян хитро прищурился. – Саян Яргич Ингал.

– Ну не хрена себе! – витус Райден навалился спиной на квадратный столб беседки. – Господи! Неужели ты тот самый чокнутый Саян, что работал у меня переводчиком, дай бог памяти, двенадцать лет назад?

– Да, витус, – Саян невольно рассмеялся, – я и есть тот самый чокнутый переводчик. Только я чокнулся ещё больше и, как видите, стал тассунарцем, – Саян демонстративно разгладил складки на хлопковом кимоно. – Да что вы стоите, уважаемый? Проходите, присаживайтесь, сейчас что-нибудь закажем перекусить.

Витус Райден, словно дрессированный медведь на базарной площади, подошёл к низенькому столику и присел возле него по-турецки. Причём такая поза для него вполне привычна и даже комфортна. На этом чудеса не закончились.

Саян громко хлопнул в ладоши. В проходе между кустами сирени тут же показалась официантка «Зелёного листа». Витус Райден удивил ещё раз, когда заказал чайник зелёного чая, маленькую чашечку сакэ для аппетита, мисо, рис и суши. Причём заказ он произнёс на вполне сносном раномату. В свою очередь Саян заказал мисо, рис, маринованную редьку, жареную рыбку и так же зелёный чай со сладкими пирожками.

– Признаться, – произнёс Саян, едва официантка удалилась, – вы чрезвычайно удивили меня. Тот Ридоу Райден, которого я знал, из принципа не принимал ничего тассунарского.

– Бабы толковой рядом не было, – добродушно прогудел витус Райден. – Ведь, как оно получилось…

Неторопливо и обстоятельно, прихлёбывая мисо и заедая его рисом, витус Райден рассказал о собственной жизни в Давизуне.

Когда двенадцать лет назад Саян убрался к чёртовой матери во Фатрию, поначалу витус Райден очень даже обрадовался. Последние полгода его и в самом деле обуяла дикая ревность и страх за собственное место как главного торгового представителя Марнейской империи в Тассунаре. Но вот бриг

«Волнорез» благополучно покинул гавань Давизуна и… дела самого Ридоу Райдена резко покатились под горку.

После Саяна, с его безупречным благородным раномату, доскональным знанием этикета, «бабских тряпок», местные купцы начали крайне неохотно вести дела с витусом Райденом. Словно бестелесный призрак, Саян ещё долго, долго летал над головой марнейского купца. Сравнение, как не сложно догадаться, было не в пользу витуса Райдена. Ну а потом бывшему нанимателю крупно повезло. В его доме появилась Агнессия, новая служанка, родная сестра одного из местных работников.

Молодая, но необычайно умная и хваткая служанка очень скоро оказалась в постели витуса Райдена, а со временем стала его женой. Агнессии удалось, казалось бы, невозможное: привить Ридоу Райдену сначала интерес, а потом и вкус к тассунарской культуре и обычаям. Он и сам не заметил, как начал носить кимоно и сидеть прямо на полу. «Чёрт побери! Так удобней!»

Со временем Ридоу Райден полюбил и рис, и мисо, и даже научился ловко орудовать палочками для еды. И в довершении относительно неплохо выучил раномату. Его речь звучит пусть не как у образованного аристократа, но несколько лучше необразованного крестьянина, который пришёл в большой и шумный город из маленькой деревеньки на заработки. Результат не замедлил сказаться: торговля наладилась, дела вновь пошли в гору. В настоящее время витус Райден более чем преуспевает на ниве посреднической торговли между Тассунарой и Марнеей. От Агнессии у него два сына и дочь.

Как не сложно догадаться, в недалёком будущем потомки витуса Райдена окончательно ассимилируются и станут тассунарцами славного сословия торговцев. Хотя, несомненно, будут помнить о своих марнейских корнях.

– А ещё говорят, будто старого пса новым фокусам не выучить, – витус Райден налил вторую чашечку ароматного зелёного чая.

– Очень, очень рад за вас, – Саян вежливо поклонился.

– Ну ладно, – спохватился витус Райден, – всё обо мне да обо мне. Ты-то как? Когда через год «Волнорез» вернулся, капитан, как там его, забыл, рассказал, будто ты по пьяни в окно выпал. Никто и не сомневался в этом, ибо какой нормальный человек оставит в сундуке не только кучу барахла, а ещё и кучу золота.

– О-о-о… – Саян эмоционально закатил глаза, – те четыре золотых кобана и целых десять серебряных мамэтагинов ещё долго терзали мою душу. Зато сработало. Я не выпал из окна по пьяни, а сбежал с «Волнореза». Увы! Но так и только так можно было стать подданным Тогеша Лингау, десятого императора благословленной Тассунары.

В общих чертах Саян рассказал бывшему нанимателю, как обосновался в Нандине и открыл свою типографию.

– Но зачем? Зачем такие сложности? – от удивления витус Райден едва не опрокинул на себя чашку с чаем. – Тебе никто не запрещал остаться в Давизуне и заниматься торговлей дальше.

Саян выразительно и чуть лукаво глянул на витуса Райдена.

– А! Ну да, – купец смутился и покраснел.

– Мне очень, очень понравилась Тассунара, – пояснил Саян. – Да, мне пришлось начинать с нуля, зато теперь моё жизненное пространство не ограничено каменными стенами Давизуна. Мне неплохо удалось заработать на переводах и печати иноземных книг. Ну… Не то, чтобы я стал очень богатым и влиятельным, но купить шёлковое кимоно мне по карману.

– Если по карману, – витус Райден смерил Саяна взглядом, – то почему на тебе кимоно из хлопка?

– Бережливость – одна из главных добродетелей хорошего торговца, – Саян поднял указательный палец. – Мой покровитель Навил Сейшил – самый настоящий финансовый туз столицы, однако в его сундуке не сыскать ни одного кимоно из шёлка.

Зелёный чай с пирожками из рисовой муки ушёл в тишине. Наконец, когда симпатичная официантка унесла грязную посуду, витус Райден спросил:

– Саян, какие дела привели тебя в Давизун? При всём уважении, но мне не верится, будто ты проделал столь длинный путь лишь для того, чтобы глянуть на моё почти новое кимоно.

Как ни крути, а ты нарушил закон Тассунары, – продолжил витус Райден. – Если кто узнает тебя, то, сам понимаешь, – витус Райден выразительно провёл большим пальцем по горлу.

– Нет, не боюсь, уважаемый, – усмехнулся Саян. – Прошло двенадцать лет. Вы и сами с трудом узнали меня. Чего уж говорить о других.

– Ну-у-у… А вдруг мне придёт в голову донести на тебя?

Витус Райден как был, так и остался прямым, как штык марнейского солдата.

– Кому-кому, – Саян невольно рассмеялся, – а именно вам будет выгоднее прочих держать язык за зубами.

Глаза витуса Райдена тут же заблестели. Ну в точности, как у гончей, которая учуяла заячий след. Только, в отличие от гончей, витус Райден учуял запах денег, больших денег.

– Я уполномочен очень влиятельным лицом произвести закупку дюжины десятикилограммовых пушек на подвижном лафете.

– Стирийцы, – витус Райден хитро улыбнулся. – Они заплывали в Давизун. Ты бы видел, какая была паника. К счастью, фрегат пальнул разок холостыми и убрался к чёртовой матери. Но после визита стирийцев на улицах города осталось множество дурно пахнущих кучек.

Саян невольно рассмеялся.

– Как я понимаю, пушки стирийцев произвели на гордых самураев неизгладимое впечатление, – произнёс витус Райден, Саян кивнул. – Покупку дюжины стволов устроить можно. Какие будут комиссионные?

Как и следовало ожидать, витус Райден не стал забивать голову мыслями, против кого будут направлены десятикилограммовые пушки, а сразу перешёл к делу.

– Три процента, – ответил Саян, витус Райден тут же недовольно поморщился. – Не спешите портить ваше лицо, уважаемый. Проценты, конечно, небольшие, зато, учитывая сумму покупки, в ваших карманах осядет множество золотых кобанов. Но чтобы без обмана! – Саян постучал указательным пальцем по столу. – Пушки должны быть современными и качественными. Для проверки каждый ствол должен выдержать тройной заряд.

Обычная практика. Ещё во время Первой опиумной войны, когда фатрийский экспедиционный корпус наголову разгромил феодальную армию Гунсара, ушлые фатрийские купцы, ничуть не стесняясь последствий, бойко продавали гунсарцам оружие. Только вместо современной и качественной артиллерии Гунсар получил старый бракованный хлам. Купленные у фатрийцев пушки убили больше гунсарских воинов, нежели солдат противника.

– Я так понимаю, это ещё не всё? – витус Райден хитро улыбнулся.

Витус Райден – прожжённый торговец, он нутром чует, что дело дюжиной пушек не ограничится.

– Конечно нет, – Саян улыбнулся в ответ. – Ещё нужно нанять хорошего артиллериста, желательно морского. Несколько позже потребуются три-четыре толковых металлурга.

– Чтобы тассунарцы сначала научились из пушек стрелять, а чуть позже сами их отливать, – тут же закончил витус Райден.

– К чему скрывать очевидное, – кивнул Саян.

– Ай-яй-яй! – витус Райден погрозил пальчиком. – Тассунарцы затевают очень опасную игру. Десятикилограммовая пушка – это вам не новогодняя хлопушка. Стирийцы – парни крутые, горячие, чуть что, тут же хватаются за пистолеты. Впрочем, – витус Райден резко сменил тон, – моё дело торговля. А хороший морской артиллерист на примете у меня есть.

На днях в Давизун должен прийти фрегат «Бомбардир». На нём должность главного бомбардира занимает мой знакомый утус Ивгас Шестов. Он давно мечтает сойти на берег. Семьи у него нет, сердечной привязанности тоже. Если пообещать ему хорошее жалованье да ещё молодую, симпатичную и безотказную служанку в придачу, то он с превеликим удовольствием осядет в Тассунаре. Насколько мне известно, на родину его не тянет. Там у него то ли тяжба судебная, то ли долги неподъёмные.

А с металлургами, – витус Райден скосил глаза в сторону, – думаю, ещё проще будет. Для начала можно поискать в Тургале. Ну а если в столице Рюкуна никого не найдём, то можно заглянуть в Пасму. На Ролозком архипелаге нужные мастера точно есть.

Чем хорош витус Райден, так это умением с ходу брать быка за рога.

– Откуда такая уверенность? – удивился Саян.

– Кризис перепроизводства. Слышал о таком?

Саян нахмурил лоб. Ни о чём подобным слышать ранее не приходилось. Только память о далёкой, очень далёкой жизни на Земле, когда его звали Сергеем Белкиным, что-то там нашёптывает.

– Примерно раз в десять лет, – продолжил витус Райден, – рынки перенасыщаются товарами. Цены падают, заводы и фабрики закрываются. Рабочий люд в поисках работы и пропитания сотнями и тысячами подаётся в колонии. Да и правительства очень любят отправлять за моря и океаны лишние руки и головы. Сам понимаешь, – витус Райден хитро подмигнул, – потенциальные бунтовщики и так далее. Ну а если человек сорвался с места, то нужда может закинуть его очень и очень далеко.

Ну конечно, Саян покачал головой, перепроизводство. Вот почему в Нандинском заливе появилась чёрная эскадра фрегатов. Стирийцам в первую очередь нужны рынки сбыта для своих товаров. А тут, понимаешь, целая бесхозная страна непуганых и диких аборигенов. Как же всё просто – всё, всё из-за денег.

– Только, – витус Райден нахмурился, – как быть с запретом для иноземцев? Если нанятые мною мастера и офицер высунут нос за пределы Давизуна, то им тут же отрубят головы.

Возражение более чем разумное. Витус Райден прожил в Давизуне больше двадцати лет, однако ни разу не был за его пределами.

– Благодатная самоизоляция Тассунары скоро закончится, – Саян развёл руками. – К тому же власть императора сильна только до тех пор, пока интересы Тогеша Лингау совпадают с интересами даймё. Ну а там, где единства нет, возможны варианты.

– Адмирал Кеяк обещал вернуться через год, – произнёс витус Райден. – Как пишет стирийский «Ежедневный телеграф», Тассунара будет либо «открыта», либо «взломана». Последнее, как я понял, означает войну. Только, уважаемый, – витус Райден поднял голову, – речь идёт всего лишь о договоре дружбы и помощи попавшим в беду морякам. Про торговлю «Ежедневник» как-то смутно выразился.

– Как гласит народная мудрость: ноготок увяз – всей птичке пропасть, – заметил Саян.

– Ну да, – витус Райден фыркнул, – чем-чем, а только дружбой и помощью морякам стирийцы не ограничатся.

– Вы правы, – легко согласился Саян. – Это всего лишь первая ласточка. Очень скоро за ней последует полноценный договор о свободной торговле на крайне невыгодных для Тассунары условиях. А там и Фатрия подтянется за своим куском пирога. Следом Гилкания. Даже наша любимая Марнея не останется в стороне.

– Теперь понятно, зачем тассунарцам потребовались десятикилограммовые пушки, – витус Райден криво улыбнулся.

В беседке повисла неловкая тишина. Лишь лёгкий ветерок чуть заметно шевелит литья сирени.

– Вас что-то смущает? – Саян вежливо улыбнулся.

– Нет, – витус Райден махнул рукой. – Война кому как: кому геройская смерть на поле боя, а кому золотые кобаны в карман. Главное – вовремя оказаться на нужной стороне. Впрочем, мне пора.

– Теперь мы вполне можем общаться письменно. Вот мой адрес, – Саян протянул визитку.

Тремя пальцами витус Райден взял прямоугольный листок. Медленно, шевеля губами, купец принялся читать столичный адрес. Саян вежливо улыбнулся. Витус Райден владеет грамотой, как мальчик лет семи-восьми, который лишь год отучился в школе. Впрочем, сам факт, что уважаемый купец умеет читать на тассунарском, говорит о многом.

– И последнее, просьба, личная, – произнёс Саян, едва витус Райден убрал визитку в карман кимоно. – Если несложно, присылайте мне каталоги издаваемых книг. Любые, которые только попадут вам в руки. Подобные книги, как правило, распространяют издатели за весьма символическую плату, а то и вообще бесплатно.

– А-а-а… – многозначительно протянул витус Райден. – Твоё главное дело. Потом, как я понимаю, последуют более конкретные заказы?

– Вы, как всегда, правы, – Саян вежливо поклонился. – На Тассунаре ещё не слышали об охране авторских прав. Грех не воспользоваться ситуацией.

Весь долгий разговор витус Райден просидел за низеньким столиком, подогнув ноги по-турецки. Любой другой иноземец после такой «гимнастики» уполз бы из «Чайного листа» на руках, словно пёс с перебитым хребтом. А витус Райден почти легко для столь солидного возраста и веса поднялся на ноги и даже не крякнул.

– Всего вам наилучшего, уважаемый, – витус Райден вежливо поклонился на местный манер.

– И вам всего наилучшего, – Саян низко, касаясь лбом деревянного настила, поклонился в ответ. – Я получил массу удовольствия от общения с вами. Очень рассчитываю и надеюсь на плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество с вами. Я пробуду в Давизуне ещё день или два. Если у вас возникнут какие-либо вопросы, то вы можете найти меня в «Бронзовом чертоге».

– Хорошо, договорились.

Витус Райден переваливается на ходу, словно учёный медведь. Вскоре стук его деревянных гэта растворился между сиреневыми кустами. Саян громко хлопнул в ладоши.

Симпатичная официантка принесла счёт и в награду получила щедрые чаевые. На улице городской гам и суета тут же окружили его со всех сторон. Привычные гам и суета, Саян оглянулся. Привычные настолько, что уже не раздражают, а наоборот успокаивают нервы и помогают сосредоточиться. В Нандине шум Заветной улицы, где находится типография «Свет знаний», стихает только с наступлением темноты.

Был риск, и риск немалый, что витус Райден благополучно отплыл домой, а то и сразу отошёл в мир иной. Тогда пришлось бы прожить в Давизуне не день-два, а месяц-два, если не больше. Найти подход, как говориться, убедить приемника витуса Райдена было бы гораздо сложнее. А так… Саян самозабвенно улыбнулся, встреча прошла как нельзя лучше.

Ридоу Райден прекрасно понимает, в кого именно будут стрелять десятикилограммовые пушки. Не исключено, что и марнейский фрегат получит в борт с десяток-другой ядер, чего уж греха таить. Однако уважаемый купец не понимает кое-чего другого – Тассунарская империя на грани очень, очень, очень больших перемен и кровавых потрясений. Десятикилограммовые ядра в первую очередь предназначены не для бортов иноземных кораблей. Хотя и до них дело дойдет.

Ну а главное, Саян мило улыбнулся молодой красивой девушке в изящном розовом кимоно с большим бантом на спине, он сам наконец-то почти закончил этап накопления первоначального капитала и перешёл к активным действиям.

Пушки чёрных фрегатов уже больно кольнули в спину островную империю, уже заставили открыть глаза и оторвать голову от подушки. В Тассунаре уже намечается объединение наиболее прогрессивных и дальновидных сил. Не все, далеко не все самураи руками и зубами держатся за старину. Возможно, центром объединения станет даймё домена Кирдан уважаемый Ивлат Ачиан. Тем более, Саян щёлкнул пальцами, следующий ход за ним.

Нужно, нужно, очень нужно хоть тушкой, хоть чучелом проникнуть во дворец императора. Прогрессивным силам позарез будет нужен прогрессивный наследник, вокруг которого объединится вся страна. А такого наследника можно и нужно воспитать самому. Больше просто некому. Тогешу Лингау, ныне здравствующему десятому императору Тассунары, уже пятьдесят три года. Далеко не все простолюдины доживают до таких лет. Время ещё есть, но и тормозить ни в коем случае нельзя. Если одиннадцатым императором окажется упёртый неистовый самурай, консерватор до корней волос, то Тассунара сначала умоется кровью, а потом разделит печальную судьбу Рюкуна и Гунсара.

Воспоминания пятнадцатилетней давности отозвались дрожью в спине, Саян невольно поёжился. Не дай бог и на улицах Давизуна, Нандина и прочих тассунарских городов появятся дощечки и вывески с рисунками трубок для курения опиума, а вместе с ними массовая наркомания и нищета. Перед глазами тут же поплыли образы мерзких курилен опиума в Тургале, столицы Рюкуна. Грязные простолюдины на грани физического истощения валяются прямо на земляном полу. Вонючие лохмотья, которые едва прикрывают выпирающие рёбра и тонкие руки. Зато в глазах, затуманенных опиумом, стоит такое внеземное блаженство, такая услада. Такая, что для многих, очень многих рюкунцев трубка для курения опиума становится последней в жизни.

Только не это! Саян тряхнул головой, образ грязной курильни тут же рассыпался. На другом конце улицы всё ещё видна чайная «Зелёный лист». Маленький аккуратный домик с раздвинутыми ставнями и широким проходом внутрь. Владелец чайной, аккуратный старичок в белом опрятном кимоно, вежливо провожает важного самурая, льстиво улыбается и низко кланяется, словно заведённый механических болванчик.

Дурной морок рюкунской курильни опиума окончательно развеялся. Льняным платочком Саян вытер мокрый лоб. Первый шаг на долгом пути сделан. Главная схватка за власть, за будущее Тассунары, ещё впереди. У островной империи есть будущее, его не может не быть.

Саян медленно развернулся. Ноги сами понесли к постоялому двору «Бронзовый чертог». Начинается второй тайм самой интересной и самой азартной игры под названием «Жизнь». И ему предстоит принять в ней самое

непосредственное участие в качестве одного из тузов. Не! Саян самодовольно улыбнулся. Он не туз, а джокер – самая необычная и оттого ещё более сильная карта.

Глава 11. Мнение народа

Глава 12. Дурной подарок на Новый год

Глава 13. «Пионовый сад»

Глава 14. Дом местного князя

Глава 15. Крайнее средство

Глава 16. Дары особой ценности

Глава 17. Собачьи хвосты

Глава 18. По бабам

Глава 19. Последний аргумент самурая

Глава 20. Чаша позора

Глава 21. Иноземные товары

Глава 22. Аудиенция у даймё

Глава 23. Дворцовая библиотека

Глава 24. Нежданный покровитель

Глава 25. Вразумительные ответы

Глава 26. Пороховой дым

Глава 27. Десятый император Тассунары

Конец.

Череповец. Декабрь 2016 года.

Об авторе.

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель.

В Интернете много самых разных писателей профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я стараюсь писать не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству. Не злоупотребляю постельными сценами и шутками ниже пояса.

Другая особенность моего творчества в том, что практически все свои книги я укладываю в несколько литературных миров. Иначе говоря, обожаю писать серии, подсерии, трилогии и тетралогии. Не исключено, что со временем доберусь и до пенталогии.

Надеюсь, вам понравится.

Мой авторский сайт:
«Библиотека реалистичного фантаста» (http://www.volkov-o-a.ru/).

Я в социальных сетях.
«ВКонтакте». (http://vk.com/id347725778)
«Фейсбук». (https://www.facebook.com/profile.php?id=100011252619544)
«Живой журнал». (http://volkov-o-a.livejournal.com/)
Skype: volkov-o-a